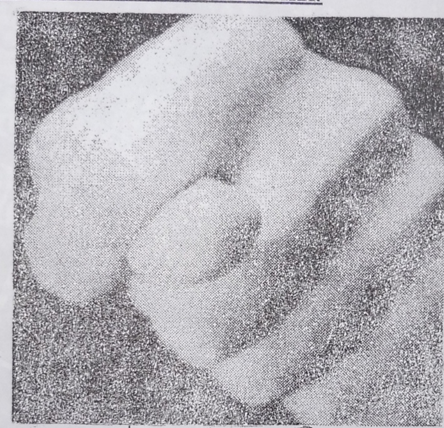
ЕРЕТИК

Издание Студенческого Анархо-Бунтарского Объединения.
№ 4. Сентябрь-октябрь 2003 г.

ГОЛОСУЙ НЕ ГОЛОСУЙ – ВСЁ РАВНО ПОЛУЧИШЬ…
БУДЬТЕ КУЛЬТУРНЫ – ПЛЮЙТЕ В УРНЫ.

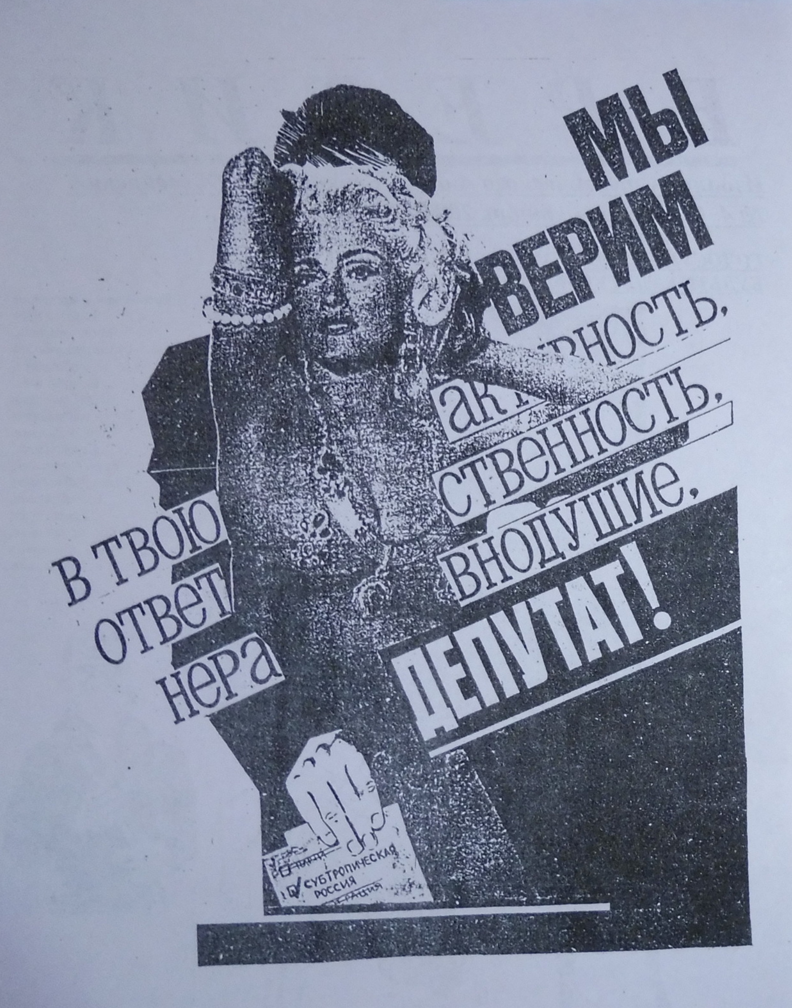

Кровожадные частушки

Пароход идёт
Мимо пристани,
Будем рыб кормить
Коммунистами.
Пароход идёт,
Волны кольцами
Будем рыб кормить
Комсомольцами.
Пароход идёт,
Стучит колёсами,
Будем рыб кормить
ЕдиноРоссами.
Паровоз идёт,
Гремит шпалами,
Будем печь топить
Либералами.

МЫ
ВЕРИМ
ак
вность,
в твою
ответ
ственность,
нера
внодушие,
ДЕПУТАТ!
СУБТРОПИЧЕСКАЯ
РОССИЯ

Университет.

Тихо вокруг.

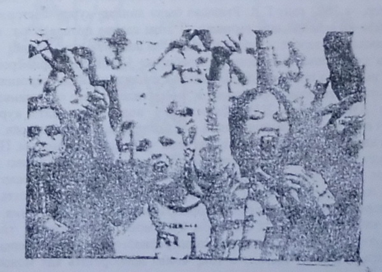
Тихо вокруг! Даже «КЛОП» как будто испарился. Что нового в МГПУ. А ничего особенного. Всё так же, так же. Профорг ист. фака помогает администрации деньги за охрану собирать. Молодец! Далеко пойдёт! Да вверх по административной лестнице! Вот только не поспевает – тяжела, тяжела участь мытаря. Вот выговор недавно получил от начальства за то, что не успел ко времени деньги сдать. И передали его полномочия по сбору денег методистам. Что такое профсоюз? Проездные билетики, путёвочки, флаерочки раздают, взносы только плати паразитам. Весь этот прости-профсоюз – одно натягивание гондона на нестоящий член. Пора дать ногой под зад профбюрократам и чиновникам. Врежем саботажем по чиновничьим мордам!

Вступительный балл на исторический факультет составил 21 - 23 балла в 2003 г. Для сравнения – в 1997 – 28, а в 2002 – 23. Ещё более интересная ситуация сложилась ситуация с конкурсом в аспирантуру МГПУ. По информации нашего человека в аспирантуре психологического факультета (товарища Z.) – на 130 мест в аспирантуру университета было всего лишь 110 кандидатов. Недобор-с. По информации кандидата в аспирантуру каф. мировых цивилизаций, тов. Розеншвайна, на 6 мест в аспирантуре кафедры нашлось всего лишь 2 добровольца. Пришлось преподам и администрации вызванивать домой студентам и приглашать их поступить в аспирантуру. И наскребли-таки 7 человек (аж по одному на место). На кафедре отечественной истории наскребли 6 челов (правда, все - добровольцы) – по челу на место. Но зато с вопросами здорово наебали – дали вопросы за 7 дней до сдачи вступительного экзамена. 40 вопросов, да к каждому – историографию знать и исторические источники. Охренеешь – так готовиться. А ребята ведь ещё и работают. Гниём-с.

В данной ситуации товарищи кандидаты в аспирантуру проявили классовую несознательность. В ситуации, когда власти находятся в тяжёлом положении, сознательный студент и рабочий сферы образования, «нутрящий» (это по Оруэллу) свой классовый интерес, обязан-таки выдвинуть социальные требования. Если бы подавляющее большинство российских аспирантов не были бы зубрильно-долбёжными станками, инициировали бы общее собрание и потребовали бы повысить в два раза аспирантскую стипендию. А если откажутся начальнички – коллективно бойкотировать экзамены. А как они откажутся? Им деться-то некуда! Если они аспирантов не наберут им и полный позор будет, и финансы урежут! Так что – всё выполнят и ещё пригласят! И это не только аспирантов касается, а и всех – у аспиранта и студента вообще много общего – экзамены надо сдавать, преподы и администрация гнобят, в школе заставляют работать. Да так заставляют, что некоторые вплоть до окончания аспирантуры. Нам и факты известны – просто конкретных людей подставлять не хотим.

Очередным шкуродёрским изобретением администрации стала «Многобалльная система оценки знаний студентов по кафедре Отечественной истории МГПУ» по дисциплине «история России». По этой сволочной бумажонке студент крепостнически прикрепляется к парте и преподавателю. Студент должен в течении семестра набрать 100 баллов. Внутрисеместровая аттестация студента проводится по количеству баллов, набранных студентами к моменту аттестации. Чтобы быть допущенным до экзамена по предмету, студент обязан получить зачёт, набрав не менее 25 баллов. Ну это ещё ладно. Система оценивания следующая: 0 – 60 баллов – неуд. (двоечка), 61 – 75 баллов – удовлетворитльно, 76 – 90 – хорошо, 91 – 100 – отлично. Это в ситуации, когда максимальный балл за экзамен – 60, за работу на семинарах, рефераты – 15, за посещение лекций и их конспекты – 10, за доклады и работу в архивах – 15 баллов. Вот и получается, что если ты а семинары не ходил, а на экзамене всё правильно ответил – неуд. в зачётку и отчисляют. О том, что студент может не посещать занятия по уважительным причинам – забыли. О том, что не все студенты имеют возможность жить на денежки родителей и порой вынуждены где-то работать – тоже. Правда, у многих студентов и даже у многих преподов такие завышенные требования вызывают гомерический хохот, потому что всё равно все знают, что это никому не нужно. Главное для этого вуза, зависящего от финансирования городских властей, проводить выгодную властям политику. Создать видимость: 1) что здесь образование общедоступно и ко всем равные требования; 2) что здесь к делу подход серьёзный и надо не просто занятия посещать, а и работать на семинарах как следует – прям рубашку от пота выжимать опосля каждого семинара. Одним словом, в бюрократической системе, основанной на отношениях господства – подчинения, и подчинённый живёт по принципу: «Я такой – каким меня хочет видеть начальник».

Тов. Левацкий Нестор Ильич

Это интересно знать…

Говоря о жизни студентов МГПУ полезно подвести некий итог за прошедшие годы и уяснить себе картину происходящего в целом и на историческом факультете в частности. Студентам живется несладко. Администрация не дает возможности учиться нормально.

Студент, к сожале[redacted]о, имеет очень мало шансов написать качественный диплом, который был бы годен для чего – то большего, чем пылиться в библиотеке ист. ф – та или лечь на стол местным бюрократам для отчета. Почему?

Во – первых, дипломники перегружены второстепенными предметами, особенно во втором

семестре пятого курса, хотя в других ВУЗ - ах второй семестр отдается полностью для написания дипломных работ студентам.

Все эти предметы требуют внимания и времени для выполнения заданий и получения «зачетов». Немало сил и времени отнимает годовая педагогическая практика, хотя все прекрасно понимают ее формальность, как и любой подобной практики вообще, как и учителя, так и руководители практики и администрация школы. Тут уж не до диплома. Сюда же еще стоит добавить неторопливость и лень, впрочем объяснимую этими же условиями.

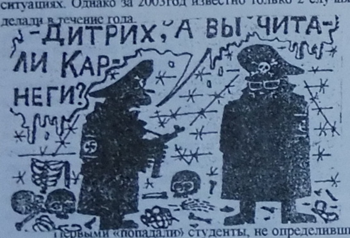
Но, даже собрав материал, написав, напечатав и сшив диплом, дипломник не застрахован от неприятных неожиданностей. Ведущую роль на защите имеет не только знание материала, но и позиция председателя и членов аттестационной комиссии. А они отнюдь не всегда действуют в рамках даже элементарных приличий.

Возможно «перебрасывание дипломника от одного научного руководителя к другому. Пожалуй, пик произвола на защите дипломов пришелся на лето 2002 года. Например, Каримова Гуля, писавшая диплом Кравченко О. С., оказалась в сложной семейной и рабочей обстановке и ее возможности консультироваться с руководителем были ограничены. Ольга Семеновна рассердилась, произошел конфликт. В то время как эта студентка беременна, ее без ведома перекинули к профессору Касарову, отличавшемуся редкостным самодурством, косностью взглядов и пошлостью привычек. Дело закончилось тем, что Касаров попросту забыл написать отзыв ко дню защиты диплома. Когда же на защите выяснилась ошибка он попытался ее исправить, но тут вмешалась Е. А. Токарева, заместитель декана по учебно – воспитательной работе и запретила дипломнице защищаться за нарушение правил, совершённое ее пролоботрясничавшим руководителем. И это был не единственный подвиг сего ученого мужа. Студенке Лизе Травниковой он заявил, что ее диплом не стоит и трояка и пообещал ее завалить, несмотря на положительный отзыв рецензента, потому что ее диплом имеет «объем мал и несолидный». До этого, правда не дошло, но этот инцидент не помешал ему после успешной защиты бегать по коридору и с пеной у рта доказывал, что это его диплома и что она самая лучшая. Довольно странное заявление, если учесть, что научным он стал за три недели до защиты.

Иванова Анна, писавшая диплом известному исследователю истории Москвы Рюминой Т. Д. неожиданно узнала, что 2 июня 2002г. ее научный руководитель уволен. Е. А. Токарева известная своим паталогическим садизмом и беспринципностью на основании смены научного руководителя «рекомендовала» сменить титульный лист диплома, хотя он был переплетен и сдан. Опять здесь проявился формалистский подход к оформлению работы и маниакальные придирки ко всевозможным мелочам. Студентка отказалась и отстояла свои позиции.

Крупный скандал произошел в связи с дипломом Матюхиной Анастасии после того, как ее научный руководитель была просто отстранена от присутствия на защите, по причинам понятным только администрации факультета. А на дипломницу как на крайнюю в этом конфликте Е. А. Токарева вылила все помои.

Изолгавшаяся администрация и лично Е. А. Токарева считают что студенты сами виноваты в подобных ситуациях. Однако за 2003год известно только 2 случая недопуска к защите студентов, которые действительно ничего не делали в течение года.

Почему же стала возможна подобная ситуация с дипломами? Ответ здесь как и ответы на другие вопросы следует искать в материальных интересах преподавателей и чиновников из администрации. Распределение курсовых и дипломных работ связано с заработками, а система их дележа, напоминающая дележ барышей, находясь в зависимости от кланово – мафиозной системы взаимоотношений внутри этой профессионально – бюрократической корпорации приводит к коррупции на низовом уровне. Наиболее циничные формы принимает дележ во время «согласования тем дипломных работ», всегда проводившийся под руководством Е. А. Токаревой.

Первыми «попадали» студенты, не определившиеся с темами и преподавателями. С ними проще всего. Им просто назначали их руководителей. Затем шли люди, которые писали у разных руководителей в течение обучения и им должно бы быть все равно у кого писать диплом. И, наконец, это студенты писавшие курсовые работы у наиболее уважаемым преподов и у заведующих кафедрами. Они, как правило, сохраняли постоянного научного руководителя. Неугодных преподавателей наказывают различными методами. Например, в 2002 году Г.А. Ртищева была лишена курса «Истории Религии». Другим способом наказания является лишение права на ведение дипломников. В этом случае появляется т. н. «официальный консультант». В этой роли выступает преподаватель, которого хотят прикормить за лояльное отношение.

Он вовсе не обязательно разбирается в теме диплома здесь главный принцип – заработок. Наглядным примером подобных разборок стало наказание С. М. Крыкина, который выступил против защиты платной кандидатской диссертации из Института Стали и сплавов. Он попытался выступить против интересов корпорации и поплатился за это ослушание. Однако наиболее одиозным стало поведение профессора Александрова Д.Н. Когда ему поручили читать курс историографии Всеобщей истории, он, прочитав пару лекций общего содержания заявил, что его предмет «неинтересен и скучен» попросту перестал посещать все остальные лекции, а накануне экзамена проставил всем «пятерки» автоматом. По всей видимости, в 2002 году его подвиги стали известны администрации. Во всяком случае он ворвался на лекцию к профессору Горшкову и устроил скандал, обвинив студентов в том, что они распространяют слухи о его психической невменяемости, а также в нарушении условий, выдуманных им самим, что якобы они договаривались не «закладывать» его. Но его деяния пресекли, в частности за предательство интересов преподавательской корпорации и за донос на декана.

Говоря о ситуации в нынешнем образовании можно вполне согласиться с Эрихом Фроммом , что рыночный тип мышления имеет огромное влияние на образование, да и образование сегодня подчинено потребностям рынка. «Начиная со школы и вплоть до аспирантуры (и до докторантуры) цель обучения состоит в том, чтобы приобретать как можно

больше информации, причем наиболее полезной для ориентации в рыночной ситуации». Эта мысль действительно совпадает с заявлениями Хаванова о том, что деятельность историка должна быть рентабельной, иначе историк, который не соответствует потребностям рынка (в первую очередь политического), никому не нужен. Точно также Е. Н. Пашенцев превращает свой предмет в маркетинг и менеджмент. Но вернемся к Фромму: «Студенты вынуждены поглощать такое количество информации, что у них едва хватает времени и сил, чтобы ДУМАТЬ. Не интерес к изучаемому предмету, не заинтересованность в познании как таковом, а в повышении меновой стоимости, обеспеченное знание – главное побуждение к получению образования». Основная формула к которой сводится рыночное мышление такова: «Я таков каким вы меня хотите видеть». Осмотритесь вокруг себя, будьте наблюдательнее и вы найдете сами ключ к раскрытию этой формулы.

Не будь козлом – бойкотируй выборы !

Представительная демократия – игра для подонков и дураков. Те немногие игроки, которые выигрывают – подонки. Остальные – дураки. Ты в этой игре не выиграешь – ты хочешь быть дураком?

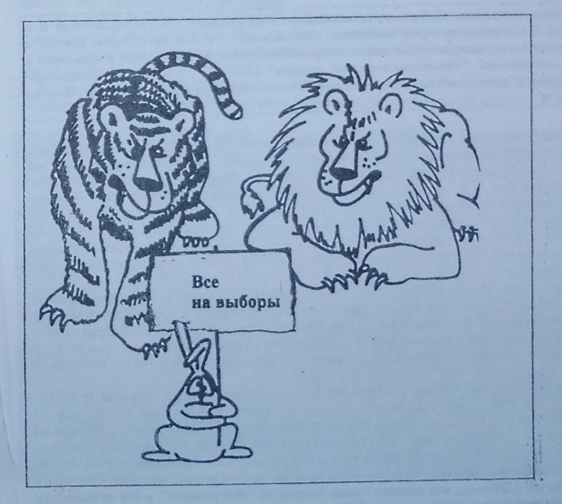
Почему не ты сам, а кто-то другой должен за тебя решать, как тебе жить? Почему это какие-то ельцины, гайдары, путины решают, будешь ты ходить после 23.00 по улицам, или не будешь, пойдёшь ли ты подыхать с автоматом в руках за их интересы где-то на краю света или нет, будешь ли ты сыт или голоден? Ладно бы они захватили власть силой – силой тебя принуждают. Там всё ясно: ты знаешь – на силу есть ответ – сила. И ты делаешь вид, что согласен с ними, пока автомат у них, а не у тебя. Но тут-то, без насилия, без принуждения, какой чёрт отдавать кому-то власть над собой?

Подумай, как это может быть, чтобы один какой-то человек (депутат, президент, мэр, да кто угодно) мог выражать и защищать интересы сотен тысяч миллионов человек? Он что, с ними со всеми телепатически общается? И как вообще возможно, чтобы интересы сотен тысяч людей, просто-напросто живущих на одной территории, могли так совпадать, чтобы их мог выражать один человек? Ну, понятно, потребность есть и пить у все одна, но дальше уже начинаются расхождения. Одни любят квас, другие – коньяк, одни – кашу, другие – устриц. А к тому же ещё не все, кто любит коньяк и устриц, имеют на них деньги. А те, кто имеет деньги, не всегда согласны ими поделиться. А это ведь самая простая потребность – в пище.

Что, у тебя дома тебе нужен президент и парламент, ты без них не знаешь, где у тебя ботинки стоят или как лампочку вкрутить? Что, для того, чтобы с соседом договориться, ты без мэра Лужкова не обойдёшься?

Что, ты не можешь работать или учиться без президента или парламента? Сам ты ни о чём договориться ни с кем не способен? Такой уж ты козёл от рождения?

Почему твою судьбу должны решать чужие дяди? Там, где ты живёшь, работаешь, учишься – там свою судьбу должен решать ты сам. Президент и парламент, мэр и городская дума там не живут и не работают. Им из своих тёплых кабинетов с плотно закрытыми дверями тебя не понять.

Они врут тебе, что другого пути нет. Есть. Есть – самоуправления на основе прямых и общих собраний – анархия. Самоуправление для них – нож острый. Они же ничего не умеют, только бумажки перекладывать, да взятки брать. Они же без бумажек и взяток умрут.

Ты нужен подонкам, играющим в игру «представительная демократия» для того, чтобы на твой «выбор» ссылаться: мол, мы не сами, нас «народ выбрал». Он за нас бумажку опустил. В урну. Мы теперь можем воровать вволю. Ничего нам не будет. А им и правда ничего не будет. Что, посадили Лужкова, Ельцина? А сколько скандалов было, сколько шуму, разоблачений, сколько о них написано было! Выкрутились. На то она и «представительная демократия». Воровать будут они, а расплачиваться за всё – ты.

Не бросай избирательный бюллетень в урну. В урну плюют и бросают окурки. Для этого она и придумана.

Решай свою судьбу сам. Не передоверяй никому. Думай своей головой. Надо защищать свои интересы – защищай сам. Мало сил – объединись с такими же, как ты сам.

Своих ты уж как-нибудь разберёшь. Но зажравшиеся до того, что за жиром глаз не видно, Лужков, Гайдар и Зюганов, гэбист Путин – уж точно не свои!

Не верь, что они «специалисты». Эти «специалисты» за 17 лет развалили огромную страну, разрушили её экономику, стравили людей в гражданских войнах, в которых погибло более 500 тысяч, 2,5 миллиона человек ранено и 10 миллионов стали беженцами. Да даже если психам из дурдома дать 17 лет назад власть – они не смогли бы сделать хуже.

Они придумали избирательные законы для самих себя. С тобой что, советовались о том, по каким правилам ты будешь участвовать в выборах? Нет? – Так чего ты на них пойдёшь? Они это сами для себя придумали – пусть они сами себя и «избирают». С тобой о сроках проведения выборов советовались? О числе депутатов в новом парламенте? О числе палат в нём? О сроках его работы? О его полномочиях? Нет? Так чего же ты, как козёл, попрёшься на эти выборы? Они всё решили без тебя. Ты нужен как ширма «законности». Перебьются. Как в центре Москвы пальбу устраивать и людей убивать – ты им не нужен был. А теперь, оказывается, должен прийти и подтвердить их полномочия – управляйте, мол, мною и дальше. Они там, наверху, ещё не наигрались. Не всех перестреляли и не всю Москву ещё сожгли.

С тобой советовались, по каким основным законам тебе жить? Нет? И ещё имей в виду: исполнять законы заставят тебя. Власти на них плюют. На то они и власти. А ты с их точки зрения законопослушная скотина. Тебя, скотину, надо стричь и стричь.

Если ты не одобрил их конституцию – ты имеешь моральное право её не соблюдать. Если ты не избирал эту власть – ты имеешь моральное право её игнорировать. А если одобрил и избирал – уже всё, не порыпаешься.

Им нужно, чтобы ты пришёл на выборы и избрал их. Не одних, так других – не важно. Все они хороши. Все мечтают о тёплых креслах и больших взятках.

Пошли их всех в задницу! Решай свою судьбу сам и без них! Пусть твой мир будет независим от их кровавой и продажной власти!

Бойкотируй их выборы! Убеждай бойкотировать своих друзей и знакомых! Срывай предвыборную агитацию – кому бы она не принадлежала! Срывай даже объявления о том, где расположены предвыборные участки. Не будь козлом – не дай себя обмануть! Не успокаивай себя тем, что дураков много и выборы всё равно состоятся – ты уже не дал себя одурачить, ты уже не захотел быть козлом, ты уже не участвуешь в этом. Помни: власти могут спать спокойно, только если козлами будут ВСЕ. Если же ты вышел из повиновения – ты уже победил! Если ты вывел с собой ещё кого-то – ты победил вдвойне, втройне, стократ!

Так не будь козлом! Бойкотируй выборы!

ШКОЛА СОПРОТИВЛЕНИЯ

САБОТАЖ

Это слово в "Советском Союзе" внушало ужас. "Саботаж, сознательное неисполнение к.-л. обязанностей или умышленно небрежное их исполнение. По советскому праву саботаж, совершенный с целью ослабления власти и деятельности государственного аппарата, рассматривается как контрреволюционное преступление и карается в уголовном порядке", - грозно вещал сталинский "Энциклопедический словарь" (Т.3. М., 1955). Да и сегодняшние хозяева России готовы карать за саботаж с остервенением озверевшего собственника. Что же это такое и должны ли мы, наемные работники его пугаться?

Саботаж издавна был оружием в руках угнетенных, способом поставить воображение на службу делу освобождения. Мы расскажем об истории саботажа и его практике. Начнем с определения, которое дается в словарях. Согласно словарю Королевской академии испанского языка, это "ущерб или разрушение, причиняемые работниками в отношении техники, изделий и т.д. в ущерб хозяевам". Английский "Оксфордский словарь" гласит: саботаж - "порча и неоправданное разрушение, которое состоит, главным образом, в ***порче оборудования*** и т.д. рабочими в ходе конфликта с хозяевами".

Термин "саботаж" происходит от французского слова "sabot" - башмак. Он возник как название акции, к которой прибегали французские рабочие - мельники. Когда вспыхивал трудовой конфликт, они с помощью своих башмаков останавливали мельницы, на которых мололи зерно. Вряд ли это был первый акт саботажа в истории, но именно он дал имя этой разновидности рабочего сопротивления.

(Классическим примером саботажа считают движение английских ткачей начала XIX века, получившее название "луддитского". Вопреки утверждениям либеральных и марксистских мифотворцев, оно отнюдь не было безнадежным и реакционным протестом работников, уничтожавших "прогрессивную" новую технику. Ткачи стали громить фабрики после отказа парламента утвердить закон о минимально гарантированном уровне зарплаты. Разгрому подвергались прежде всего те фабрики, чьи владельцы снижали ткачам зарплату. Движение было прекрасно организовано на началах настоящего рабочего самоуправления. - Прим. ред.).

В 1830 г. французские ткачи ответили на снижение зарплаты хозяевами разрушением всех ткацких станков. В 1895 г. французские рабочие железных дорог в ответ на проект закона Мерэна-Трарие, который отрицал за ними право на создание профсоюзов, выдвинули лозунг, который распространился с быстротой молнии: "Всего двумя сахарными собачками можно остановить целый паровоз". В конечном счете, мы можем сказать, что саботаж - это попросту практика "плохой работы за плохую плату". Кроме того, он означает, что рабочие не должны относиться с уважением к машинам, по крайней мере, до тех пор, пока они не станут их друзьями, которые облегчают их труд. Сегодня машины - это враги рабочих, ворующие их хлеб и убивающие их. (Добавим, что техника - вещь отнюдь не "нейтральная", в ней исторически воплощен принцип господства над всем окружающим. Большая часть современной техники не приспособлена для

облегчения жизни людей и не в состоянии это сделать; она должна быть ликвидирована и заменена на другую, - прим. ред.).

Существуют различные формы и возможности осуществления саботажа. Шотландские рабочие в свое время использовали особый термин для обозначения новой тактики стачек: "go canny". Когда двое шотландцев куда-то идут и один из них слишком торопится, второй говорит ему: "*go canny*", то есть иди спокойнее, медленнее, с удовольствием. Это иной вид саботажа, когда ущерб наносится не машинам, а самому процессу производства. Если наш труд - всего лишь товар, предназначенный на продажу, то постараемся навязать свою цену: "За плохую плату - плохая работа".

Еще один тип саботажа помимо нанесения ущерба оборудованию и процессу производства - это ***порча товара***. Иногда на своем рабочем месте ты можешь использовать только эту возможность. Если, например, ты работаешь отдельно и применение тактики замедления работы или разрушение инструментов труда вредят тебе самому и твоим заработкам, то единственное, что тебе остается, - это уменьшение качества труда, а не его количества. К примеру, если качество труда не влияет на твою зарплату, ты можешь работать без усердия, а хозяин в итоге потеряет клиента.

Работники могут использовать и такую форму саботажа, как "раскрытый рот". Так называют ***публичное разоблачение***. На работе мы узнаем много вещей, которые делаются на предприятиях и фирмах, и саботаж такого рода может оказаться для предпринимателя страшнее, чем выведение из строя самого ценного оборудования. Если работники ресторана публично заявят, что подаваемые в нем фантастический суп из раков - это на самом деле красиво навороченные остатки панцирей, не доеденных другими клиентами, то для хозяина ресторана это будет тяжким ударом. Как и для владельца строительной фирмы, если каменщики расскажут будущим покупателям дома о плохом качестве используемых материалов.

Другая форма борьбы против хозяев - ***обструкция***. Эта практика стала применяться в Италии в 1905 г. и до сих пор активно используется. Она состоит в абсолютно точном соблюдении всех норм и правил работы. Сегодня на многих предприятиях и фирмах существуют нормы, инструкции и предписания, которые в обычной ситуации не выполняются: о них вспоминают только тогда, когда приходит инспекция, чтобы дать разрешение на деятельность. Соединения этой формы саботажа - стопроцентного выполнения всех норм - с небольшим "go canny" вполне достаточно, чтобы производство лопнуло.

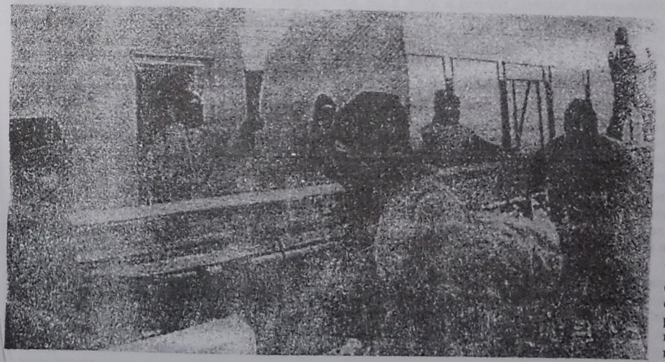
Одно должно быть всегда ясно: ***саботаж никогда не должен вредить потребителю***, только хозяину. Именно против него направлено сокращение ритма труда, превращение изделий в нечто, что будет невозможно продать, порча рабочих инструментов. Потребитель же не должен страдать от этой войны, которую работник ведет с предпринимателем.

До сих пор мы говорили о саботаже, как средстве обороны трудящихся в борьбе с хозяевами. Но он может быть и средством обороны граждан от государства и крупных концернов. Так люди выводят из строя автоматы для контроля парковки автомашин или видеокамеры, которые нагло вторгаются в их интимное пространство. Это практика ***социального саботажа***.

В настоящее время она часто используется в городах. Под ними расположены густые сети кабелей, их достаточно обнаружить - и дальнейшее просто. Точно так же как рабочие парализуют деятельность фабрики, сопротивляющиеся жители могут парализовать жизнь города.

Как и рабочий саботаж, социальный саботаж должен осуществляться в наиболее удобный для этого момент и с минимально возможным риском. Мы говорим о подходящем моменте не в смысле ничегонеделания и ожидания, пока "время созреет", а о том, чтобы одним ударом добиться наибольшего эффекта, или о цепи акций с целью вывести данный объект из строя.

Бессмысленно просто бить витрины банков и кабины - обычно это никакой не революционный акт, а просто эгоистическое самоутверждение индивида либо моментальный выплеск ярости.

Так выглядел саботаж в Испании два года назад. Также он выглядит и сегодня. Только на фото не всегда попадает по вполне понятным причинам.

Следует выбрать объект, конкретного врага для конкретной акции, не разрушая и круша все без разбора, а имея ясное представление, зачем и почему это делается.

Например, после ареста ряда антифашистов 12 октября банк "Кайша де Каталунья" обвинил их в организации разрушений. И на всей территории полуострова стали бить стекла в отделениях этого банка и поджигать

банковские
автоматы.

Никто не говорил об этом, но все знали, что речь идет не о случайных акциях, а о солидарности с арестованными.
Разумеется, все банки заслуживают подобной участи, но многие люди решили в течении нескольких недель устроить
саботаж против витрин и автоматов именно этого банка. Банк понес миллионные убытки: ведь только в одном автомате
могло быть до 3 миллионов песет!

Происходит множество актов социального саботажа с выведением из строя телевизионных ретрансляторов, светофоров,
огнетушителей, замков и запоров и т.д. - все это позволяет хотя бы на время парализовать машину Капитала.

Существуют также *экосаботаж.*. Сопротивление против сооружения гигантских проектов выводит из строя машины и
объекты, и это делают не какие-нибудь сознательные революционеры, а простые граждане, которые видят в таком
саботаже единственную возможность для спасения своей среды обитания...

Короче говоря, саботаж - часть нашей борьбы, и если мы откажемся от этого средства в борьбе за разрушение
государства и эксплуатации и создания общества анархии и гармонии, то нам предстоит проиграть немало сражений.

«Прямое действие», № 18 – 19. 2001 г.

Другая культура.

«Стыд» и «бесстыдство».

В предыдущем номере «Еретика» была опубликована рецензия на роман Салмана Рущди «Стыд». Содержание рецензии, хотя она и давала представление об авторе и его романе, довольно-таки общее. Едва – ли можно согласитъся с автором рецензии, что основная тема романа – индо-пакистанский конфликт и политика, эти сюжеты всего лишь составляют общий фон событий. Кроме того, понятие «стыд» ввело автора в заблуждение, видимо, из-за буквального понимания этого понятия. Поэтому, следует попытаться разъяснить понятия «стыд», равно как и контекст романа, в котором употребил его автор.

Писатель и роман.

Салман Рущди отчасти намекает на иносказательное повествование романа. Описывая состояние Пакистана, в условиях авторитарного режима, он вынужден писать сказку-аллюзию, а не реалистический роман. Впрочем, авторские украшения текста, преувеличения, хоть и являются авторским вымыслом, однако имеют символический смысл. Автор едва ли является анархистом, однако он критически оценивает государство, традиционную патриархальную семью, капиталистическое общество. Некоторые его высказывания вполне анархичны: « у нас много пишут о бандитах с большой дороги, осуждая каждый частный случай, но почему бы тогда не осудить самого главного бандита – Государство, ведь у него грабеж (и убийства) возведен в ранг политики».

В центре событий романа – человек, а политические события, войны, выборы, интриги - лишь фон, на котором разворачивается сюжет. Акцент на личностный фактор, психологические и социальные особенности развития личности действующих лиц романа, ряд авторских приемов и использование намеков сближают Салмана Рущди с левыми последователями теории психоанализа З.Фрейда (Г. Маркузе, Э. Фроммом) и экзистенциалистами.

Этот момент стоит пояснить. Во – первых, роман было бы точнее назвать «совесть» или «страх». Понятие стыд здесь напоминает понятие авторитарной совести у Эриха Фромма в его книге «Психоанализ и этика». В основе этой проблемы лежит формирование у человека понятия о добре и зле. Авторитарная совесть предполагает роль авторитета (семьи, церкви, государства), в навязывании ценностных суждений человеку. Все строится на страхе и преклонении перед авторитетом. Далее мы приведем примеры, подтверждающие эти утверждения.

Созвучно понятию «стыд», другое – такалуфф. «Такалуфф - это обычай говорить, но ничего не сказать. Это общественная узда на недовольного, она не позволит ему выразить в словах желаемого... ироническая насмешка, которую надо принять ради соблюдения приличий». Иными словами, такалуфф – это норма должного поведения, перекликающаяся с нормами авторитарной этики Э. Фромма. Добро или зло определяется в той мере, в какой то или иное событие, человек отвечают интересам власти. Ученик считается хорошим, если он слушается учителя, не шумит. Напротив, если ученик активен, стремится выразить свои мысли, пусть даже путанно, он получит замечание. Как правило фактор личного отношения играет весьма значимую роль.

Присутствует в романе и тема абсурдного человека и его бунта против окружающей его действительности. Абсурдный человек подробно описан у Альбера Камю в философском эссе «Бунтующий человек». У Салмана Рущди понятию «абсурдный человек» соответствует «идиотка, слабоумная». Абсурд начинается с понимания человеком личной несвободы, столкновение личных интересов человека с государственными, стремления к счастью, плодотворной жизни с мертвящей тиранией государства и молчанием общества. Это отвержение рабства и смерти и выход за пределы зримого.

Бунт согласно Камю – это ощущение человеком последней грани, после которой следует взрыв возмущения. Бунтующий человек готов пожертвовать собой ради блага, которое для него значит больше чем позорная жизнь на коленях, - эта ценность, ради которой он готов умереть, - сближает его с другими людьми. Бунт выражен в романе в образе зверя.

Личность и семья.

Вопрос о влиянии семьи на личность, и, в конечном итоге, разрушения личности, играет первостепенную роль в романе. Эрих Фромм относит семью, как и государство с церковью, к авторитетам, довлеющим над человеком. Салман Рушди описывает в романе историю жизни нескольких семей. Эти истории различны, но их объединяет подавление человека и навязывании ему ценностей, выгодных государству и «родовой традиции».

При взаимоотношениях детей и родителей большое значение имеет жизненный опыт родителей и обстоятельства становления как личностей и если родители были нелюбимы в детстве, или они были недостаточно сильны, то дети становятся объектом родительского влияния и надежд на то, что они будут лучше родителей и компенсируют их комплексы.

Наглядным примером является эпизод, когда три сестры – матушки Шакиль придумывали имена своим детям. Старшего сына они назвали Омар-Хайрам, в честь персидского поэта Омар-Хайама, а младшего, - Бабуром, в честь великого полководца. Старший сын стихов писать так и не стал, а младший подался к сепаратистам и был расстрелян.

Главное влияние родительского авторитета выражается в праве определять, что есть добро, а что есть зло для ребенка. Ребенка считают «хорошим», если он послушен, он хорош для родителей тем, что ведет себя в данный момент так, каким его хотят видеть, но это отнюдь не значит, что он будет также вести себя в другой ситуации, однако родители будут склонны его оценивать по домашнему поведению. Например, отец Билькис, владелец частного кинотеатра страдает тяжелой формой мании величия: « Дочери императора не пристало подавать за столом», выговаривает он дочери. Тогда Билькис вызывает восторг, сделав предусмотренный такалуффом прием: она кокетливо прелестно потупила свой взгляд и привела в восторг своего отца фальшивым смирением, а ведь амбиции у нее не уступали отцовским. Так у нее воспитывается гордыня и приспособленчество.

Однако, если ребенок непохож по привычкам на эгоистичных родителей, имеет собственное мнение, то он вызовет особенно жестокое разочарование. Жизнь Омар-Хайрама в уединении развивает у него склонность к анализу, гипнозу, поиску знаний. В романе он посещает нежилые комнаты (вернее подземелья) и матушки запрещают ему делать это. Затем он хочет поступать в медицинский колледж со стипендией, но эта новость не радует матушек, а пугает их. Тогда они вываливают перед ним груду ценностей, картин, украшений. Младшая матушка изрекла: «Стипендия, это замечательно, но и мы в состоянии дать кое – что нашему мальчику, раз он вступает в самостоятельную жизнь». Мама Чхунни возмутилась: «Ишь, что еще за стипендию профессора выдумали! Как будто нам нечем за твое образование заплатить! Пусть катятся подальше со своей стипендией! У твоих родных денег хватит». Вот так, опасаясь, что ребенок выскользнет из – под их назойливой опеки, матушки его отучают от самостоятельности. Демонстрируя родовую гордыню, они невольно воспроизводят привычки своего покойного отца.

Ни одна из сфер взаимоотношений человека не опутана ложью и лицемерием в такой степени как секс. Естественное желание, настолько же естественное для человека, как потребности в еде, пище, сне, отдыхе становится объектом предписаний авторитарных норм и морали. Наиболее остро эта проблема появилась в семье Резы-Хайдара, напоминающей на женской половине нечто среднее между женской колонией строгого режима и образцовым матриархатом. Такалуфф в этой семье выражен в двух формах. Во – первых, это канонизированное предание о главе семьи, исключающее его слабости и неблаговидные поступки. Это эдакий семейный миф, не подлежащий пересмотру. И, во – вторых, как обычай в супружеской жизни. Женщине надо внушить стыд за то, что она спит с мужчиной даже в супружестве. По мнению Фромма, парадокс заключается в том, что «авторитарная совесть становится основой чистой совести, а чистая совесть должна стать основой вины». Однако, практикуемый в этой же семье обмен женами (в темноте), вскрывает всю лживость запрета на секс. Об этом говорит одна из родственниц Бариаммы в разговоре с Билькис: «Ты здесь без году неделя, а я всю жизнь прожила… хоть по виду здесь все прилично, на деле это ширма за которой такой разврат творится. Не разберешь кто с кем. Дядья – с племянницами, братья женами меняются и не узнать от кого ребенок».

Подавление человека в реализации его потребностях, вызывает искажение его развитие, неврозы и деструктивность. Омар-Хайрам, изолированный от общения с людьми до 12 лет – в те годы, когда происходит формирование личности, проявляет склонности к опосредованному вуайеризму – это не просто подглядывание за половым актом, но и жизненная позиция наблюдателя. Получив свободу передвижения, он остался ущемлен в других запросах души, не зная запрета и голоса совести.

После высказываний Искандера Харappы о том, что «в этом хорошо живется мужьям, а женщине делать нечего», его дочь Арджуманд начинает яростную борьбу с женской сущностью, перевязывает груди до боли льняными тряпицами, носит мужскую одежду и не менее 20 женихов потерпели фиаско. Салман Рушди пишет: «Диктат – это смирительная рубашка без размера. В стране с жесткой моралью, где царит единообразие поведения (как в обществе, так и в постели) где женщина раздавлена бременем ложной чести и рабской зависимости, диктат множится и захватывает все новые позиции». Однако на мужчин авторитарная мораль оказывает ничуть не меньшее давление. Когда Омар-Хайрам начал проявлять интерес к девушкам, говорить о них, реакция матушек была мгновенна «Насрать нам на твою любовь. Не рано ли любовь у тебя в штанах зашевелилась?»

Общество и государство.

Автор романа критически оценивает общество и изображает его авторитарные черты. Общество, в романе Салмана Рушди, безмолствует и занимается сплетнями. Подобное поведение вполне объяснимо. Страна находится в колониальной оккупационной зависимости от англичан, с которой люди ничего не могут поделать, хоть и возмущаются режимом «ангрезов». Известно, что всегда легче обсуждать поведение своих соседей и сетовать на горькую жизнь, чем попытаться что-либо сделать самим для изменения этой жизни. Все общество выражено в романе понятием «молва». Молва приписывает сестрам Шакиль взаимные ласки и занятия лесбийской любовью после обеда, после того как отец – самодур запретил им показываться перед парнями и посадил под домашний арест. Омар – Хайрам, подвергаетя осмеянию, потому что он тоже носит фамилию Шакиль. Рушди едко описывает нетерпение, нервозность, суету, в которой пребывали

жители города К., предвкушавшие выход Омар – Хайрама и возникшую между ними потасовку за право оскорбить его первым. Школьный учитель Эдуаду Родригеш, заступившийся за Омар-Хайрама и занимавшийся по дополнительной программе с ним и с другой одноклассницей Фарах, также становится мишенью для сплетен. Молва им приписывает любовь втроем. А когда Эдуарду объявил о помолвке с Фарах «по рассказам толпа их сопровождала то на открыточные пляжи с пальмами, где они неистово предавались страсти, то в увитый плющом католический храм, где Фарах и Эдуарду занимались тем же прямо в проходе между скамьями».

Тема государства и влияние власти на морально- психологическое состояние не ограничивается описанием структуры родовых мафиозных кланов стоящих у власти в Пакистане, Рушди показывает вхождение человека во власть. Он насмешливо отзывается о парламентской системе и о демократических выборах: голоса обычно бывают подтасованы, так что дело едва ли не дошло до войны между конкурирующими политическими блоками. В другом эпизоде заседание консультационного совета превращается в настоящий базар, так как делегаты привезли кучу родственников (стариков, старух, детей), которые в итоге перессорились и вместо решения текущих вопросов депутатам пришлось решать семейные проблемы.

Государство оказывает разрушающее влияние на личность. Авторитарная совесть здесь проявлятся в «законопослушных и добропорядочных гражданах», этические представления навязываются постановлениями и законами. Авторитарная этика внушает человеку чувство стыда за свою активную творческую деятельность. Человек должен поделиться своим продуктом с государством в виде налогов. Государство вводит налоги и требует плату за спокойное существование. Бандюки-мафиози, кстати, также требуют мзду за «спокойную жизнь». Следовательно, государство осуществляет централизацию террористических функций и мафиозного капитала в своих руках. Все мы видим, как бандитская сущность государства подтверждается и постоянно звучащая в СМИ фраза о борьбе против «незаконных бандформирований» в Чечне. Вероятно, эта фраза имеет ввиду наличие также и «законных» бандформирований, то есть армии, полиции, спецслужб и частных охранных фирм.

Те герои романа, которые вошли во власть платят за это дорого, платят своим счастьем. Их близорукость состоит в том, что они отдают все, в том числе и свою индивидуальность ради обладания деньгами, материальным положением и властью. Ими движут накопительство, жажда наживы, превращающая их в рабов, жадность, хитрость, сиюминутный расчет. Конкурентная борьба заставляет смотреть людей друг на друга как на лютых врагов.

Не помогает и попытка Искандера Хараппы избавиться от вредных привычек и подготовить себя к «высокой» карьере политика. Это всего лишь навсего попытка навязать себе роль авторитета, предъявляя себе жесткие требования и превращая себя в раба ради намеченной цели. В конце концов, эти герои романа понимают, что « чем выше поднимаешься, тем больше грязи» , но это понимание придет к ним слишком поздно.

Власть – явление временное, Искандер Хараппа, а через несколько лет и Реза-Хайдар теряют ее, причем оба в результате заговора «прогрессивных военных». Однако жизненные проблемы остаются. Они оба пользовались своими родственниками как игрушками и получили по заслугам. Конец романа трагичен: Билькис, Реза-Хайдар умирают в доме трех сестер Шакиль, Искандер Хараппа убит по приказу Резы.

Это не Маркс
Это – Бакунин.

Бунтующий человек.

У читателя наверняка сложилось впечатление о пессимистическом настрое автора. Возникает вопрос: неужели автор романа не видел никакого просвета? Анализируя логику поступков героев романа, я еще не говорил о его главном герое. Салман Рушди концентрирует свои моральные оценки именно на Омар-Хайраме, так как он его критикует больше других. При поверхностном чтении романа можно подумать, что Омар-Хайрам и есть главный герой романа. Вероятно, эта особенность авторской оценки и стала причиной того, что автор рецензии сделал подобные выводы. Однако это вопиющая неточность. Омар-Хайрам – главный антигерой романа. Есть еще один персонаж о котором еще речь не шла – это идиотка Суфия Зинобия, старшая дочь Билькис Хайдар. Введение Салманом Рущди темы абсурда, абсурдного человека и его бунта, придают роману мотивы сближающие его с идеями Альбера Камю. Самая основная идея романа, - показать столкновение человеческих чувств, желания жизни, любви, счастья, с одной стороны, и мертвящей тиранией государства и тяжестью догм, навязываемых авторитетом, с другой, - абсурдна.

Читатель на это возразит, что все герои романа абсурдны так как все они переживают это столкновение. Однако абсурдный человек осознает, что он несвободен и абсурд начинается с понимания собственной несвободы, герои романа, некоторые из которых вознеслись на вершину политической власти, или упиваются авторитетным положением в семье мнят себя всемогущими в этом мире.

Суфия Зинобия - единственный положительный герой романа, но именно поэтому она незаметна. У Салмана Рушди бунтующий человек скрыт в образе умалишенной девочки, которую зовут не иначе как «стыдоба» или «идиотка»..Однако диагноз ее условен и даже автор не называет ясных причин ее умственного отставания. Суфия Зинобия не вписывается в рамки жизни семьи Хайдар, моделирующие отношения в авторитарном государстве. Она непонятна окружающим, а потому и страшна. То, что непонятно всегда легче объявить ничтожным, чем попытаться разобраться.

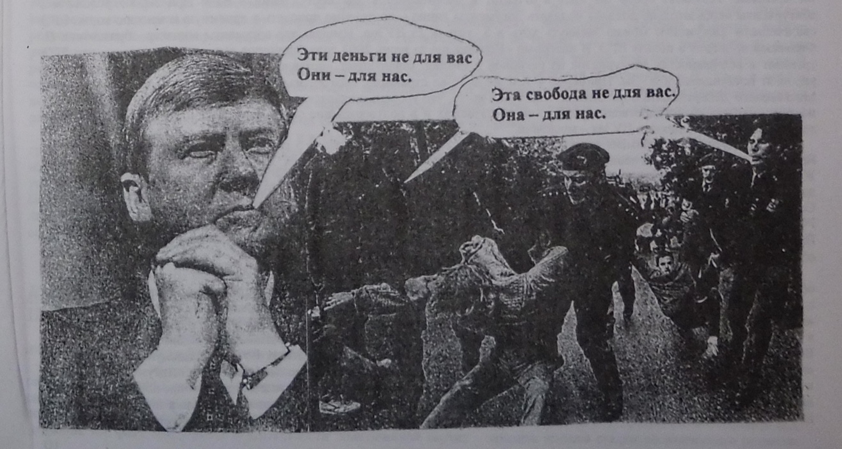
Суфия Зинобия совершает самый страшный грех с точки зрения авторитарной совести – позволяет себе усомниться в правоте авторитета и в незыблемости его предписаний. А от греха против общепринятых норм до объявления сумасшедшей – один шаг.

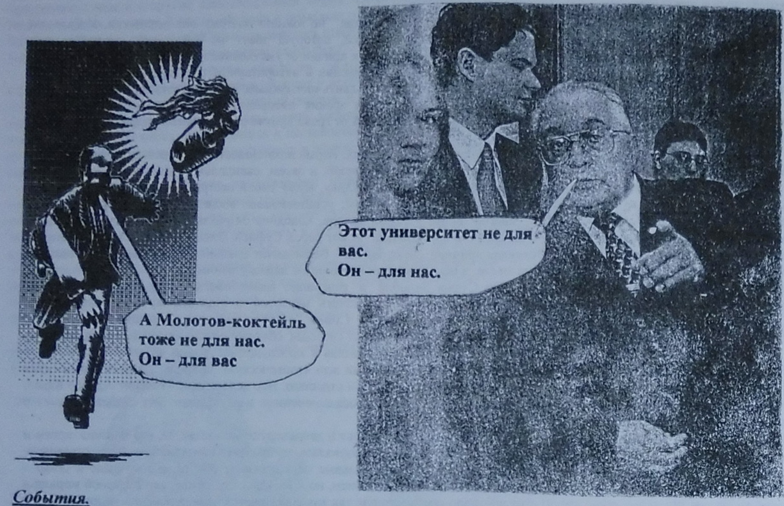
Но главная причина ее бунта – это равнодушие окружающих. Взрыв накапливается постепенно. Суфия Зинобия проявляет себя, оторвав головы 218 индюшатам маршальши Аурангзеб, а затем, скандально расстроив свадьбу своей сестры Благовесточки, когда чуть не оторвала голову Тальвар-Уль-Хаку, мужу своей сестры. Видимо, автор проводит параллель между ним и пакистанским диктатором Зия уль Хаком, установившим военную диктатуру в результате переворота 5 июля 1977. Суфия Зинобия многое терпит – побои матери, холодное безразличие отца, ссоры с сестрой, наконец, измена мужа, Омар – Хайрама с собсвенной кормилицей. И вот перед Суфией Зинобией встает единственный философский во прос - самоубийство. Истинная причина самоубийств – безразличие близких, но парадокс заключается в том, что «нам никогда не понять другого человека, в нем есть нечто несводимое нашему пониманию».
Тем более его не понять эгоистичной семье». Но Суфия Зинобия и совершает самоубийство, когда зверь овладевает ее сознанием, но и оживает с момента, когда муж и отец хотят ее накачать наркотой и усыпить как бешеную собаку и убегает. Это последняя черта беспредела, творимого угнетателями. Суфия Зинобия далека от самоубийства, жизнь ее обретает новый смысл - это борьба с угнетателями за высший идеал свободы, объединяющий людей между собой. Она готоав пожертвовать собой, она напоминает фантом, в ней умер обыватель и проснулся абсурдный человек.

Салман Рушди пишет о том, что зверь сжег в Суфии Зинобии всю человеческую природу. Действительно «как только абсурд проникает в сознание, он становится мучительнейшей страстью. Все дело в том, - говорит Альбер Камю, можно ли жить такими страстями, в природе которых испепелять воспламененные ими сердца». Это свидетельствует о пределе эмоций испытываемых человеком.
В то время как все герои один за другим теряют смысл жизни, угасают и деградируют на глазах, те, кто занимал посты и положение, Суфия Зинобия обрела подлинный смысл жизни и прорвалась за пределы повседневного существования. Восстание охватывает весь Пакистан и город К., гибнут отрицательные персонажи от рук ее, в том числе и Омар – Хайрам. Салман Рушди выносит приговор не только своим персонажам, но и государству, семье, авторитарной морали и всему капиталистическому обществу. И этот приговор гуманистичен, так как совершается ради человека и человечности « и катится огненный зверь и пожирает все и всех подобно пламени, нет никому от него спасения».

Товарищ Батька.

<u>Типа комикс.</u>

События.

Образовательная реформа на три буквы.

Вот уже 2 года длится эксперимент по развалу образования под вывеской «реформ». ЕГЭ в идеале должен заменить собой выпускной и вступительный экзамены, в ходе которого 11- классники проходят общегосударственное тестирование. Результат вроде бы идет в аттестат и засчитывается при поступлении в ВУЗ. Причем, по условиям , абитуриенты необязательно должны подавать документы лично – достаточно прислать в приемную комиссию копии ЕГЭ свидетельств. Документы можно закинуть хоть в 5, хоть в 25 ВУЗов. Именно эти аргументы министр образования В. Филиппов приводит в пользу ЕГЭ. В интервью «Вертикали» за июнь 2003 года Филиппов выразил уверенность, что ЕГЭ уравняет в возможностях абитуриетов из регионов и столиц, гарантирует «независимую экспертную оценку знаний» и упростит поступление в ВУЗы. Примерно в том же духе на страницах того же издания высказалась Л. П. Кезина, глава Московского Департамента образования. Посетовав на то, что уровень медалистов в провинции ниже чем в столицах, она повторила мысль о государственной заботе об абитуриетах и в подтверждение своих слов добавила, что ей попрекнули тем, что 76% обучающихся в ВУЗах – москвичи.

Между тем, эксперимент набирает силу. Если в 2001 году участвовало 5 регионов, то теперь – 49, и 464 ВУЗа. Например, в Башкирии 18 июля 2003 года завершилось внедрение ЕГЭ во всех ВУЗах, кроме Уфимской Академии Живописи и Изящных Искусств. Предполагалось создать 40% - 50% платных мест на первых курсах, причем оплата должна была колебаться в размере 10 –58 тыс. рублей (333,3 – 1933,3доллара). Для справки, по данным института Социально – экономических проблем народонаселения РАН, граница бедности в 2002 году по доходам для 36 млн. чел. в РФ – 2 доллара в день, у половины населения страны – 4 доллара в день, у учителя 15 разряда – 1доллар в день. Прожиточный минимум для семьи с одним ребенком составлял в 2002 году около 4431 руб. Реформы уже привели к обеднению 80% жителей, а 20% ублюдков обогатились за их счет.

Интересно, что министр образования в официальных заявлениях как – то забывает о различном уровне образования по России, фактической девальвации золотой медали в регионах, заблуждается он и насчет количества одаренных детей, уровень способностей которых зависит от качества получаемого образования. Но самое главное то, что ни в одном его официальном заявлении, прозвучавшем в прессе или по TV, не упоминается вопрос о финансировании ЕГЭ, в каких размерах и за чей счет? Не говорится и о планируемом полном переходе на платное образование по высшей школе. Введение ЕГЭ вызывает озабоченность ректоров некоторых городских и региональных ВУЗов, связанную лишь с вполне ведомственным желанием спихнуть все проблемы на среднюю школу. Из интервью, данного газете «Аргументы и факты» в апреле 2003 года следует, что ректоры боятся потерять самостоятельность своих заведений при отборе абитуриентов, или не верят в установление равенства возможностей для учащихся, считают, что коррупция сместится в школы. Не верят в ЕГЭ и сами абитуриенты. По словам Константина Важенкина, сдававшего экзамен в 2003 году в Башкирии: «Если единый

экзамен, значит, и оценка должна быть одинаковой по качеству. Но даже в Уфе у нас в разных школах уровень оценок и уровень знаний разный».

Но чем же грозит ЕГЭ?

Во – первых, речь идет о коммерциализации образования. Это уже не за горами. Автор статьи в АиФ за апрель 2003 года «Экзамен на три буквы» полагает, что к 2005 году ЕГЭ будут сдавать все выпускники. В газете «Вечерняя Москва» от 5 августа 2003 года появилась публикация «Москва сдалась на милость ЕГЭ» указывали, что не менее 30 000 учащихся московских школ со следующего года. Наконец, на совещании в методцентре ЦАО г. Москвы, прошедшем 29августа2003 года было объявлено, что в ЕГЭ по Москве участвуют все округа, кроме северного и центрального.

Во- вторых, никаких равных возможностей для абитуриетов из провинции и столиц не будет, причина кроется как в различном уровне требований к поступлению и получаемого образования, так и заведомо выигрышном положении столичных вузов как и некоторых областных. Более того, Л. П. Кезина не заинтересована в поступлении абитуриентов из глубинки в столичные университеты, в частности, в МГУ. Примером может служить ситуация, сложившаяся со Всесоюзной заочной математической школой, находящейся на грани закрытия. Минфин урезал финансирование, а ее учредитель Российская Академия Образования была обязана передать ее в ведомство столичного образования. Отказ Кезиной вовсе не был мотивирован отсутствием средств: «Ваши ученики из регионов, почему мы должны их финансировать? Если бы у вас учились ТОЛЬКО МОСКВИЧИ, мы бы ее взяли на свой баланс». Очевидно, что Любовь Петровна очень желала бы довести число абитуриетов – москвичей в столичных вузах с 76% до 100%. И повысить престиж своего ведомства.

В- третьих, ЕГЭ окажет разрушительное влияние на среднее образование и совершенно неясно, кто сможет сдать. Насколько правомерно проводить тесты по естественно- научным и гуманитарным дисциплинам? Об этом чиновники от образования и не думали. «Ужимание программ в школе дает совершенно обратный результат, - говорит Елена Арфина, учительница физики, -сокращение часов по физике до 2-х в неделю, происходит во всех классах кроме физических, а «углубление составляет не более 4 – 5 часов, хотя раньше это было нормой, а в планировании происходит объединение мелких вопросов в более крупные, так что ничего толком пройти нельзя».

Вызывает претензии и техника проведения тестов. Тесты по литературе, например, сформулированы по принципу: « В каком из произведений героиня пролила подсолнечное масло: в романе «Мертвые души», «Тихий Дон», «Мастер и Маргарита»?

Требования к тестам не были согласованы с учителями, по физике, в отличие от алгебры и геометрии нет примерных программ с вопросами к тестам. Сам процесс проведения тестирования не менее сложен. Тест состоит из заданий, имеющих три уровня сложности А, В, С. По данным Центра государственного тестирования, более половины учеников и не пытаются приступить к заданиям категории С. Компьютерная программа подсчета результатов не принимает ответов вроде 4,1 или 10 в четырнадцатой степени. Правильный ответ, который не укладывается в формальную систему подсчета результатов, считается неправильным и напротив этого задания машина выставляет «0». По данным АиФ, в среднем, максимальное число баллов по итогам тестирования 2003 больше 100 баллов по разным предметам набрало меньше0,1% сдававших -,грубо говоря, один школьник из тысячи.

Почему же вводят ЕГЭ? Ответ лежит на поверхности. Происходит завершение демонтажа социального государства. В связи с усилением социального антагонизма в обществе и увеличение потенциальной вероятности волнений, государство должно усиливать репрессивно- полицейский аппарат за счет сокращения бюджетных расходов, в том числе и за счет бесплатного образования, элементы которого все еще сохранились. Приватизация образования позволяет избавиться от ответственности за происходящее в этой сфере, и от дополнительных расходов. Вопреки внешнему эгалитарному характеру реформы (равенство возможностей), происходит усиление влияния именно регионального элемента, происходит усиления влияния столичных вузов не только как элитарных заведений, но и как региональных центров. Происходит элитаризация образования наряду с девальваций знаний, получаемых в школе. Единый рынок образования РФ становится ареной конкурентной борьбы между столичными и областными ВУЗами и победа останется за теми, которые будут стратегически необходимыми и рыночно окупаемыми. Элитаризация образования выражается, например, в протекционистских мерах московского правительства, направленные против остальных русских и раздувании мифа о захвате мест в столичных институтах студентами из провинции.

Кому это выгодно? Государство, и в частности министерство образования, выражают интересы бюрократических группировок в образовании, олигархических мафиозных группировок. ЕГЭ породит колоссальную коррупцию в среднем образовании, причем обогатятся и чиновники и частные репетиторы. Перераспределяется ответственность в регионы, усиливается власть на местах, средства на образования будут переданы на места, что усилит губернаторский произвол. Появляется возможность эффективно подавлять возможные волнения и недовольства и более выгодно эксплуатировать людей и ресурсы. Ведь главное на рынке выгода и доход. В итоге бесплатное всеобщее образование превращается в оплачиваемую всеобщую безграмотность.

Товарищ Батька.

Критика.

Новый краткий курс партоложества.

Книга Е.И. Хаванова (изданный под одной этикеткой с ректором В.В. Рябовым) «Общественно-политические движения в Новое и Новейшее время» являет собой неиссякаемый кладезь материалов для критики и дискуссий.

Так автор допускает ряд весьма дискуссионных утверждений. «Степень вовлечённости в движения и партии определяется уровнем социальной зрелости тех или иных представителей массы, осознание ими своей принадлежности к определённой общности, положения в системе общественных отношений и задач. Наиболее зрелая часть данной общности поднимается до сознательного участия в политической деятельности в составе партии» (с. 37). Думаю, стоит поставить под сомнение тот факт, что участие в деятельности политической партии – признак высшей стадии политического развития

человека. Во-первых, отметим, что партия не является организацией, выражающей интересы широких масс населения, уже в силу того, что в партии – это численно небольшие организации, объединяющие все вместе взятые в среднем не более 1 – 2% населения любой страны. Во-вторых, партия с точки зрения отношений «власть-подчинение», является элитарным объединением, претендующим на активную деятельность, связанную с принятием основных решений, что оставляет руководящие функции в руках небольшого числа людей. Это обрекает на пассивность основную массу населения, обречённую, с точки зрения партийных чиновников и теоретиков, на роль послушного исполнителя их указаний, отчуждает у многих людей способность к самоуправлению. Далее: «Партии не могут руководствоваться требованиями и запросами ВСЕХ слоёв той массы, от имени которой выступают и с которой себя идентифицируют. Однако, являясь её политическими лидерами, они, думается, вправе претендовать на выражение её интересов В ЦЕЛОМ» (с. 38). Во-первых, что значит «В ЦЕЛОМ»? Во-вторых, могут или не могут? Вы уж определитесь с этим. Кто, интересно, давал право партиям выражать интересы «массы»? Мы исходили и исходим из того, что наши с вами насущные интересы можем выразить только мы сами, без всяких посредников в лице политиков. А сделать это можно только через организации, созданные непосредственно для защиты этих интересов (рабочие и студенческие союзы), и только в том случае, если решения в этих организациях принимаем решения и контролируем их исполнение мы с вами (на общих собраниях).

«Различия в постановке стратегических и тактических целей, ближних и дальних задач, декларируемых партиями, нередко воспринимаются как хитроумная игра для обмана некомпетентных и простодушных масс». Во – первых, «некомпетентные»- это не массы, «некомпетентные»-это бюрократы, которых увольняют за несоответствие занимаемой должности.

А во- вторых- игра с выдвижением популярных лозунгов – известная приманка для масс в играх политических бандюг. Ярким примером кокетливого заигрывания с массами (что очень напоминает поведение стервозной бабы, или стервозного мужика – кому как нравится) является политика большевиков в период 1917 – 1918гг. В этот период большевики неоднократно заигрывали с проанархистски настроенными массами, откровенно обманывая их, когда г. Ленин ухитрился написать одновременно противоречащих друг – другу: «Государство и революция» (с изображением полуанархистского образа будущего») и «Как нам выйти из кризиса» (с рассуждениями о необходимости установления в России централизованного диктаторского режима).

Отсутствует сравнение и рассмотрение различных, альтернативных друг-другу определений «движение» и «партия». Отсутствует ретроспективное рассмотрение эволюции этих понятий.

В разделе 2-м виден модернизаторского подход в толковании реалий Древнего Мира, Средних Веков и событий Французской революции. Модернизанизаторский подход заключается в том, что историк, исследуя реалии той или иной эпохи, механистически переносит на них термины современности во всей полноте их содержания, а также ценности, представления, стереотипы своего времени. Примерами подобного подхода являются труды таких историков как Теодор Моммзен, Гульельмо Ферреро, Вил Дюрант. Евгений Иванович в своей книге придерживается такого же стиля изложения. Так, термин « партия» используемый в ряде случаев для обозначения придворно–клановой группировки, и , в этом смысле используемый исследователями римской и средневековой истории в 18 – 19 веках, употребляется автором учебника с точки зрения современной терминологии. И получается, что популяры и оптиматы (представлявшие собой группировки сенатской аристократии, нобилитета и всадничества, а фактически кланово – мафиозные группировки, боровшиеся за власть), возникавшие на основе патроната, клиентелы, являются аналогом ЛДПР или КПРФ. Странно! Мы, конечно, не спорим, что современные партии – это также мафиозные группировки (хотя вряд ли декан так думает). Есть например, мафиози Зюганов со своей клиентелой в виде кампании карьеристов и прихлебателей, вооруженной охраной, с целой кампанией шестёрок, лично ему обязанных своим своим благополучием и карьерой. Однако, как говорят в Одессе, есть «две большие разницы».

Суждения автора о Французской революции, полный плагиат отрывков из книги П.А. Кропоткина. При этом Евгений Иванович допускает бездоказательные утверждения, якобы опровергающие Кропоткина. «В книге встречаются констатации типа « Народ не дремал. Он смутно понимал» и т. п. Но, очевидно, не сразу и не весь народ, а какие –то лидеры того и иного уровня, какие-то организованные структуры, пользовавшиеся поддержкой в конкретных слоях, определенные формы и принципы действия, без которых невозможно никакое организованное действие. У Кропоткина фигурируют, к примеру, « народные общества значительной части Франции», очевидно использовавшиеся значительным влиянием, однако их сущность остается нераскрытой». При этом нет никаких аргументов, опровергавших Кропоткина. И это притом, что на всех страницах, посвященных Великой Фр. революции (с.55-57) – декан ссылается лишь на книгу Кропоткина. И где же это он берет факты, позволяющие ему спорить с Кропоткиным? Если с высоты своих лет, то Кропоткин неизмеримо старше Евгения Ивановича.

Спорны и фразы Хаванова о неустранимости противоречий. Что здесь имеется ввиду? Неустранимость противоречий вообще? С этим можно согласиться. Но если вы имеете в виду социальные классовые противоречия – то ваш любимый авторитет Маркс признавал их устранимость. Только вот есть различие в понимании этой проблемы – с точки зрения марксистов и Гегеля процесс преодоления противоречий в синтезе происходит автоматически. А с точки зрения анархистов (и, в частности, представителей Франкфуртской школы) для их преодоления необходимо активно вмешательство, практическая и теоретическая критика существующих общественных институтов

« Итак, противоречие – источник развития. Любая сторона противоречия предполагает наличия другой. Может ли помещик обойтись без крестьянина? Что получится из этого – читайте у Салтыкова – Щедрина в сказке «Дикий помещик». (А крестьянин – без помещика? – на этот вопрос Евгений Иванович не отвечает - слишком уж явным был бы абсурд его ответа). А капиталист без рабочего? А рабочий без буржуазии? (Даже и сегодня: если капиталисты решают закрыть какое – то нерентабельное производство, то это трагедия прежде всего рабочих)».

В первую очередь, отметим, что предприятие закрывается по инициативе владельца, а не по инициативе рабочего. Вряд-ли рабочий будет заинтересован в его закрытии, в переносе на другое место, в увольнении людей с предприятия. А вот капиталист – вполне заинтересован. Поэтому предприятие закрывается не по вине рабочего, а по вине капиталиста. Поэтому рабочий заинтересован в устранении института частной собственности на средства производства, хотя бы для

того, чтобы обезопасить себя от прелестей положения наемного работника. История показывает, что рабочие прекрасно обходились на своих предприятиях без капиталистов: рабочее самоуправление на предприятиях Каталонии и Арагона 1936 – 1939гг., фабзавкомы в России в 1917г., Автономная индустриальная колония Кузбасс – в нач. 1920 –х гг., она была основана американской организацией Индустриальные рабочие мира. Да и сейчас в России есть т. н. «народные предприятия», находящиеся в собственности коллектива – их по России 70.

Вопрос об оппортунизме, изложенный в этом же учебнике также вызывает возражения. Вот что мы узнаем по этому вопросу «Был также и левый оппортунизм, означавший отход от марксистских принципов классовой борьбы в сторону мелкобуржуазного революционаризма (анархизм, другие формы ультра – левых течений, чаще всего лишь внешне напоминавшие революционность и т. п.)». Во – первых, почему это вы считаете марксизм «пупом земли» от которого то и дело кто–то отходит? К вашему сведению, анархизм появился одновременно с марксизмом, а такие анархические теоретики как Бакунина, Прудона и Кропоткина вообще никогда марксистами не были и уже потому ни от каких «марксистских» принципов не отходили. Более того, они к ним и не «приходили».

И почему «мекобуржуазный», а не «крупнокрестьянский», например? Буржуев среди анархистов не было, это вам не капталист Энгельс. Что значит «лишь внешне напоминает революционность? А где вообще критерии революционности? Укажите. Вы невнимательно относитесь к терминам. Оппортунизм на нормальном русском языке (без «измов») не что иное как «приспособленчество». С этой точки зрения ваше определение «левого оппортунизма» не выдерживает никакой критики, так как «догматизм» это вещь совершенно противоположная «приспособленчеству».

В книге, непонятно зачем (вероятно, чтобы повеселить читателя), встречаются странные фразы: «Летом 1849 года Готшальк отошел от политической деятельности, вернулся к врачебной практике (заразился холерой и умер)». Встречаются в книге и фактические ошибки. Например, годом смерти Жана Жореса указан 1932., хотя Жорес был убит в 1914 году, незадолго до начала Первой мировой войны. Акцию «ельцинирования», которую когда – то совершили анархисты при поддержке «оранжевой» организация «Субтропическая Россия» Евгений Иванович приписал буржуазной проституирующей Партии Любителей пива. Вероятно он это сделал с намерением навредить анархистскому движению, а мы рассматриваем подобные заявления как оскорбление и просто так этого не оставим. В книге хвалят «героизм» сталиниста Димитрова на Лейпцигском процессе. И при этом ни словом не упоминают о закулисных переговорах Сталина и Гитлера, красных сталинских фашистов с германскими нацистами о судьбе Димитрова, которые, собственно и решили исход процесса.

В книге в качестве сторонников «шведского социализма» указаны мэр Москвы Ю. Лужков и спикер ГД РФ Г. Селезнев. Интересно только, в чем проявляется их стремление к строительству «шведского социализма кроме высказываний? Да и почему вы считаете, что в Швеции построен социализм? Основные признаки социализма (хоть у Маркса, хоть у Бакунина и Кропоткина) – ликвидация частной собственности на средства производства и переход производства под управление самих трудящихся. Ничего подобного в Швеции нет и никогда не было. Это обыкновеная капиталистическая страна. Да и в 1980 – 1990 гг. и большая часть «социальных завоеваний», достигнутая в Швеции былла ликвидирована либеральными и социал – демократическими правительствами.

И вообще, как писал в 1963 году немецкий революционер Руди Дучке (знаете такого?): «На Земле еще не существует социализма». А то, что мы видели в СССР – это лишь особая разновидность капитализма – государственный капитализм. Его отличие от Западного капитализма лишь в том, что все средства производства находятся в собственности не множества частных корпораций и различных частных собственников, а в собственности одной огромной корпорации – государства. По отношению к государству в этой системе простые трудящиеся – обыкновенные бесправные наемные работники, которых средств к существованию лишить – раз плюнуть..

Весьма забавны замечания Евгения Ивановича о роли народных масс в начале 21-го века: «Но самый главный его успех – успех морального характера: народ признан первосубъектом власти. Не Бог, не монарх, как было на протяжении десятков веков, а именно народ. И в этой перемене можно увидеть признаки не только количественного, но и качественного скачка. От Бога, царя, короля – к народу. Это ли не признак новой эпохи?». Дело в том, что идея о суверенитете народа как источник легитимной власти появилась еще в конце 17 – начале 18 веков, причем еще в период Английской, Американской, Великой Французской буржуазных революций. Почитайте труды философов эпохи Просвещения и Конституцию Франции с 1791 года – вы увидите ту самую «новизну» века 20-го. Ничего себе, «новизна»! Вы 250 лет спали?! Поистине гениально сказал Бакунин: «народу не будет легче, если палка, которой его бьют будет называться демократической!» Вы что же, действительно считаете прогрессивным достижением то, что когда–то издевались над трудящимися от имени короля и Бога, а теперь издеваются от имени народа?

А вот еще один перл: «Когда феминистское движение не ограничивается чисто женской проблематикой свободы Любви, имидж его как правило повышается». А почему вы считаете «свободу любви» исключительно женской проблематикой? Во–первых, среди пропагандистов свободной любви было немало мужчин (Чернышевский, Бакунин, Добролюбов, Кропоткин). Во–вторых, мужчинам свобода любви необходима также, как и женщине (или вы думаете иначе? – присылайте ответ). А вот рассуждения об антимилитаризме: «Частью антимилитаристских сил объективно являются женщины. Конечно, интересы женщин господствующих и угнетаемых классов неодинаковы – это очевидно. Но если иметь ввиду женщин как матерей, или будущих жен тех мужчин, которым придется стать пушечным мясом, то общего в их интересах и общего именно в антивоенном смысле будет значительно больше». Не думаем, что у женщин из эксплуататоров и трудящихся много общего. Богатые мамы своих сынулек всегда за деньги от армии откосят! Так что и здесь интересы у НАС и у НИХ - разные.

Весьма наивно выглядят рассуждения автора о развитии «демократии» в современной России: «Усиление влияния партий приведет к ослаблению влияния финансовых групп. А слабые партии ведут к созданию сверхсильных олигархических групп. Чтобы предотвратить превращение России в олигархическую страну надо создать демократический строй и отдать приоритет партиям». Формально демократический строй уже создан, а партии могут прекрасно контролироваться финансовыми группами, что и происходит во всех странах мира и у нас.

И, наконец, в завершении нашего повествования об учебнике, который скорее напоминает диверсию в области образования, приведем образец холуйско – верноподданнического выражения романтических чувств к президенту, данный в учебнике. Как писал Маяковский: «И мы, желанием помочь горимы, даём совет для начинающего подхалимы». Читайте и учитесь, кому надо: «После десятилетия распатывания и подкопов, растаскиваний и распродаж Россия вручила свою судьбу лидеру, исполненному желанием спасти страну, сохранить государство, починить его фундамент, укрепить устои. В отличие от своих предшественников он посмотрел на политические партии не как разрушитель – антигосударственник, а именно как сторонник государства и увидел в них конструктивное, созидательное начало. Если народ за это проголосовал, то это и есть его шаг в 21век».

Не хватает только фразы: Ура! Да здравствует В. В. Путин и его фашистский режим!

Тов. Анархия.

<u>История.</u>

В. Дамье. Испанская революция и коммуны Арагона.

Таковы факты: в 1936-1937 гг. в Испании происходила социальная революция, не знавшая себе равных. В гораздо большей степени, чем все предшествовавшие и последующие народные взрывы она приблизилась к осуществлению вековых надежд человечества, мечты о свободе и солидарности.

В отличие от многих стран, где пролетариат попал в подчинение марксистским и ленинистским партиям, большинство испанских трудящихся были анархо-синдикалистами. Анархистская профсоюзная конфедерация СНТ объединяла до 2 миллионов пролетариев и крестьян. Они всегда стремились не к захвату государственной власти, а к полному разрушению государства и капитала, к созданию нового общества на основе анархистского коммунизма.

Испанский анархизм опирался на прочные коммунитарные традиции. По словам немецкого исследователя Йоханна Хельвеге, "муниципия, испанское пуэбло, как почти автаркическая, автономная общественная единица, была когда-то реальностью. В ней стихийно создавались учреждения и механизмы самоуправления, прежде чем прогрессирующая бюрократизация мира государства в его всемогуществе и с его слугами вмешалась в эту идиллию и начала ее разрушать. Тонкие и детально разработанные правила регулировали разрешение споров, занятие должностей в братствах, расчистку, обработку и сохранение участков общинной земли в сотрудничестве всего пуэбло, наконец, распределение на общих собраниях общего урожая между членами общины. В этих правилах проявился организационный талант испанского населения и его способность к самоуправлению. Именно в этих коллективных психологических настроениях и опыте, который местами... мог уже давно отойти в прошлое, следует искать корни хилиастическо-анархистских движений".

В городах Испании тоже существовала традиция вольностей. Средневековые города Иберийских королевств пользовались правами самоуправления и даже создавали федерации (братства) для борьбы с феодалами.

Но после восстания "коммунерос" в 16 в. эта автономия была сломлена. Зато в деревне община держалась долго и прочно. Здесь она тоже имела свои традиции борьбы с деспотизмом. Все вы помните, наверное, знаменитую пьесу Лопе де Вега "Фуэнте Овехуна": восставшие крестьяне расправляются со своим мучителем, а затем гордо идут на королевский суд и на вопрос "кто это сделал", бросают: вся община, вся Фуэнте Овехуна.

Анархизм в сельской Испании попал на благодатную почву. Возможно, именно этими традициями объясняется почти религиозная страсть, с которой арагонские крестьяне будут создавать свои коллективы в 1936 г. Немецкий анархист Аугустин Зухи описывал то, что он увидел в арагонском селении Муньеса (1700 жителей). В село вернулся анархист, проработавший много лет в Барселоне. Его сразу же избрали алькальдом. "Он выполнял свои функции в зале общинного совета. На столе лежало испанское издание книги Кропоткина "Хлеб и воля". По вечерам члены коллектива собирались и кто-нибудь читал книгу вслух. Это было новое евангелие. Там было черным по белому написано, что следует делать,

чтобы добиться благосостояния для всех". Не пиходится удивляться, что жители селения с восторгом восприняли предложение вернувшегося из Барселоны земляка провозгласить либертарный коммунизм.

Впрочем, и психология рабочего класса тогдашней Испании сильно отличалась от настроений людей в современном "массовом" обществе, где люди живут, как изолированные друг от друга атомы, не имеющие ничего общего со своими соседями и своим окружением. Букчин, кстати, автор превосходной книги об истории испанского анархизма, справедливо замечал, что на пролетарский социализм тех лет "оказала влияние... уходящая корнями в деревню и небольшой город значительная пролетаризация крестьян, которых принуждали оставить деревни и сельскохозяйственную культуру. То, что они принесли эту докапиталистическую культуру с ее естественными ритмами и ценностями, имеет ключевое значение для объяснения характера их недовольства и воинственности... Первоклассные рабочие - анархисты Барселоны, которые... сжигали деньги в лихорадочные дни июльского подъема 1936 г., действовали под влиянием глубоко утопических и этических импульсов, а не просто исходя из экономических интересов... Пролетариат конца XIX- начала XX века был особой социальной породой. Она была... стихийна в жизненной естественности своего поведения, разозлена утратой своей автономии и сохраняла в своих ценностях разрушенный мир ремесла, любовь к земле и общинную солидарность". Это разлагающее человеческую солидарность воздействие капитализма и индустриализма хорошо понимали многие анархисты. Недаром аргентинская ФОРА призывала в начале века остановить экспансию индустриального капитализма, пока еще не поздно.

Но неправильно было бы думать, что анархизм распространялся по Испании сам собой. Популярность либертарных идей была, конечно, и результатом самоотверженной многодесятилетней работы испанских анархистов. Они создавали не только союзы городских рабочих, но и союзы сельскохозяйственных работников, действовали среди крестьян. Большую роль здесь сыграли анархисты-учителя. Они отправлялись в самые глухие и заброшенные районы страны, учили людей грамоте и связывали обучение с пропагандой анархизма. Для многих простых людей Испании т.о. грамотность, знания навсегда оказались связанными именно с анархизмом.

В испанском анархо-синдикализме, как и у анархистов других стран, долгое время не было каких-то общепризнанных представлений о социальной цели, об обществе будущего. Люди скорее понимали, чего они не хотят, нежели то, чего следует добиваться. Тем более, что жизнь трудящихся была достаточно тяжелой. Официально анархо-синдикализм в Испании долго следовал ранним коллективистским идеям времен бакунинского крыла 1 Интернационала, потом соблюдал некий плюрализм. И только в 1919 г. испанская СНТ официально провозгласила в качестве цели либертарный коммунизм. Но даже после этого идейная и практическая неясность сохранялась, несмотря на попытки многих анархистов преодолеть ее.

Опыт шел здесь впереди теории. В 1932 - 1933 гг. по всей Испании прокатились анархистские восстания. Восставшие захватывали городки и села и провозглашали либертарный коммунизм. Эпицентром движения стала аграрная Андалусия, где крестьяне вели отчаянную борьбу с помещиками-латифундистами, а также Арагон и Каталония. Что это означало на практике? Об этом рассказывает в своей книге испанский анархо-синдикалист Жозе Пейратс: населенные пункты объявлялись свободными муниципиями (коммунами), "для революционеров все разворачивалось со скоростью света: поднять черно-красное знамя над мэрией, провозгласить либертарный коммунизм, сжечь на площади архивы, документально устанавливавшие право собственности и публично объявить об отмене денег и эксплуатации человека человеком". Обычно "либертарный коммунизм провозглашался без каких-либо трудностей и жертв. Мир, радость и похожая на рай гармония царили вплоть до прихода войск". После этого движение кроваво подавлялось. Времени для развития опыта у активистов не было.

В 30-е годы в испанской СНТ по существу сложились два идейных течения: коммунитаристское и индустриалистско-синдикалистское. Это было как бы продолжение старых споров между анархо-коммунистами и революционными синдикалистами начала века. Речь шла о том, что делать после революции - победоносной всеобщей стачки и восстания. Коммунитаристы, продолжая анархо-коммунистическую традицию, считали, что основой будущего общества должна стать вольная коммуна ("свободная муниципия"), максимально автономная и самообеспечивающаяся. Соответственно они недооценивали проблемы экономических связей и хозяйственного взаимодействия между такими коммунами, полагая, что те просто смогут дарить друг другу излишки. Индустриалисты склонялись к революционно-синдикалистской схеме, по которой после революции индустриалистские экономические структуры сохранятся и перейдут из частных или государственных рук под управление ассоциированных синдикатов. Они уделяли большое внимание проблемам работы экономики как единого комплекса и разрабатывали принципы либертарного планирования. Как у тех, так и у других были свои сильные и свои слабые стороны. Споры шли острые, работы и статьи с аргументами исчислялись десятками. Наиболее известными теоретиками коммунитаристов выступили писатель и публицист Федерико Уралес (отец Федерики Монтсени и редактор теоретического и художественного журнала "Ревиста бланка") и врач Исаак Пуэнте. Уралес соединил аргументацию Кропоткина с традицией испанских сельских общин, считая их наиболее подходящей базой для реализации коллективистских принципов солидарности. Он утверждал, что революция разразится после фазы кризиса капитализма и приведет к возрождению коммунитарных традиций в свободных деревнях. Эти идеи были популяризированы врачом и публицистом Исааком Пуэнте, одним из лидеров повстанцев 1932 г. Он написал книгу "Либертарный коммунизм - цель СНТ". В ней содержался план создания системы либертарного коммунизма в Испании и аргументы в пользу его возможности. Как и Уралес, Пуэнте следовал за Кропоткиным в истолковании социальных наклонностей человека. Он отвергал идею революционной или послереволюционной элиты и переходного периода. Коммунитарное движение он считал отвечающим именно социальным инстинктам человека. Пуэнте исходил из возможности того, что Испания первая установит у себя либертарный коммунизм и сможет противостоять капиталистическому миру. По его мнению, коммунитарное сельское хозяйство легко накормит страну. И хотя Пуэнте признавал, что в городах функции коммуны могут играть местные федерации производственных синдикатов, он подчеркивал добровольность и социально-экономическую автаркию коммун. Он с недоверием относился к "архитекторам нового мира", к хозяйственному планированию и индустриальному развитию. Книга имела огромную популярность в анархистских кругах, переиздавалась и обсуждалась.

Одним из основных теоретиков индустриалистов выступил Диего Абад де Сантильян. Свою анархическую работу он начинал в Аргентине и там следовал анархо-коммунистическим и непредрешенческим позициям ФОРА. В Испании он переменил свои взгляды, за что латиноамериканские товарищи впоследствии с презрением называли его перевертышем. Его книга "Экономический организм революции" хвалит современную индустрию и говорит о необходимости планирования и экономической координации. Он критикует Кропоткина за экономический локализм и объявляет вольные коммуны анахронизмом, реакционной утопией. Абад де Сантильян придавал большую роль свободному экспериментированию, оставляющему место различным формам будущего общества. Но в принципе то, что он предлагал - это скорее жесткая структура синдикальной организации всего общества. Интересно, что как у него, так и у других индустриалистов (в роде голландца Корнелиссена или француза Бенара), либертарный коммунизм понимался скорее как переходное общество на пути к анархии - то, чем для марксистов служит "диктатура пролетариата".

Расхождения между анархистами и революционными синдикалистами сопровождались тактическими разногласиями и приводили к расколам. Только в мае 1936 г. в Сарагосе был созван конгресс СНТ, на котором была принята программная "Концепция либетрарного комунизма". Она синтезировала идеи и положения обоих течений, но все же опиралась скорее на проект Пуэнте. Либертарный комунизм (от каждого по способностям, каждому по потребностям в рамках экономической возможности) должен был установиться без переходных периодов сразу после победоносной социальной революции. В основе будущего свободного общества должна была лежать двойная организация - территориальная (вольные коммуны и их федерации) и отраслевая (синдикаты). Программа выступала за децентрализованное планирование снизу на основе статистического определения потребностей и производственных возможностей. Деньги подлежали отмене и замене карточкой производителя и потребителя. Государство и постоянная армия упразднялись и заменялись федерацией коммун и рабочей милицией.

Как видим, программа была вполне разработана. Но она не успела проникнуть в умы и настроения людей как нечто целое, а не только как набор отдельных истин. Так и получилось, что когда в Испании внезапно началась революция - которую так долго ждали - анархисты оказались к ней и готовы, и не готовы. "Когда революция разразилась, - писал исследователь анархизма Яаков Овед, - в радикальных и анархистских кругах немедленно появились упования на то, что долгожданная революционная ситуация, наконец, наступила и вскоре будет осуществлен либертарный коммунизм. Но события первых недель гражданской войны показали, насколько руководство СНТ было неподготовлено и развитие местной инициативы опережает центральные инструкции". Впрочем, добавляет он, вскоре стало очевидно, что установление либертарного коммунитаризма по стране так и не было в достаточной мере подготовлено

17 июля 1936 г. в стране вспыхнул военно-фашистский мятеж. В ответ рабочие вышли на улицы, вооружились и соорудили баррикады. Они вступили в бой с мятежниками. В течении 3 дней путч был подавлен на большей части территории Испании.

После боев анархисты стали фактически хозяевами Барселоны. И здесь ими была допущена первая роковая ошибка. Она состояла, конечно, не в том, что они не захватили власть, как их в этом обвиняют троцкисты, а в том, что они не свергли ее. Региональный комитет СНТ Каталонии долго обсуждал, что делать в создавшейся ситуации. Глава регионального правительства Компанис позвонил секретарю Каталонской СНТ Мариано Васкесу и предложил переговоры. Вначале то говорил с премьером в весьма иронических тонах. Член ФАИ Гарсия Оливер (в будущем сам министр и создатель анархо-партии, но тогда еще левый) предложил немедленно провозгласить либертарный коммунизм. Но это предложение не было принято. Абад де Сантильян выступил за союз с другими антифашистскими силами. Промежуточная позиция сводилась к тому, чтобы, не входя в структуры власти, оказывать на них давление для осуществления социализации промышленности и сельского хозяйства, пока правительство, лишенное всякой власти, не падет само. 21 июля собрался пленум Каталонской СНТ. Дуррути и Гарсия Оливер предлагали "идти до конца", не боясь обвинений в "анархистской диктатуре". Но актив решил иначе. Не имея уверенности в успехе в других регионах, делегаты сочли, что "никакого либертарного коммунизма нет", то есть по сути, революции не происходит, необходимо укреплять антифашистское единство. Анархисты вошли в сформированный на коалиционных началах полуправительственный орган - Комитет антифашистских милиций. Через несколько месяцев за этим - несмотря на сопротивление радикальной части СНТ, ФАИ и Либертарной молодежи - последовало вступление СНТ в каталонское и общеиспанское правительство. Большинство "лидеров" СНТ пожертвовало немедленной социальной революцией ради - как очень скоро выяснилось - призрачного антифашистского единства.

Но рядовые активисты анархистского движения, вдохновлявшиеся теми чувствами и идеями, о которых я говорил в начале, не стали ждать указаний "лидеров". По словам французских анархистов Прюдоммо, "в базисе" движения руководствовались своими аргументами: "Присутствие членов СНТ и ФАИ в правительственных органах - это всего лишь компромисс, навязанный обстоятельствами, временное отступление в революции. У революции есть лишь один инструмент - это массы, организованные на уровне коммуны и предприятия". Трудящиеся-анархисты сами начали социальную революцию, доказав тем самым жизненность анархистских идей. И в своих действиях они - сознательно или нет - ориентировались на идеи либертарного коммунизма. Вот только нескоординированность и полная стихийность социальных преобразований очень скоро принесла огромные трудности и помешала успеху.

Пролетарии не собирались возвращать власть республиканским капиталистам, которые проявили полную неспособность бороться с фашизмом. Профсоюзы захватили большинство фабрик и заводов, прежде всего в индустриальном районе Каталонии. Многие предприятия были отняты у хозяев и перешли под управление анархистских и социалистических профсоюзных комитетов. По некоторым данным, так случилось с 70% предприятий Барселоны и 50% в Валенсии. (Из 24 млн. жителей Испании в промышленности были заняты около четверти, в сельском хозяйстве - больше половины).

Но вскоре трудящиеся оказались перед новой проблемой. Анархистская терминология тех лет проводила различие между "коллективизацией" и "социализацией". Под первой понимался захват предприятия трудовым коллективом и переход его под управление профсоюзов. Под второй - обобществление в масштабах общества, с налаживанием новых экономических связей на нерыночной и не бюрократической основе. В теории первая считалась первым шагом ко второй. Беда была, однако, в том, что этот переход так и не состоялся, поскольку товарно-денежные отношения в целом не были ликвидированы, а деньги сохранялись у государства и капиталистов. По словам Гастона Леваля, автора прекрасной и

подробной книги об испанской революции, "очень часто рабочие в Барселоне и Валенсии, завладев фабрикой, мастерской, машинами и сырьем, организовывыли производство своими силами и продавали продукт своего труда ради личной выгоды, причем использовали для этого сохранение денежной системы и характерные для капитализма торговые отношения. Декрет 1936 г., который легализовал коллективизацию, не позволил им идти дальше, и тем самым, вехи с самого начала были расставлены неверно. Это была, т.о., не настоящая социализация, а рабочий неокапитализм, своего рода самоуправление, колебавшееся между капитализмом и социализмом, чего не произошло бы - это следует подчеркнуть - если бы революция могла быть полностью осуществлена под руководством наших профсоюзов". Даже Абад де Сантильян, занимавший в это время пост министра в каталонском правительстве, признал в конце 1936 г.: "Мы многого достигли, но сделали это нехорошо. Вместо старых владельцев мы поставили полдюжины собственников, которые рассматривают предприятия, транспортные средства и контроль над ними как свою собственность, с тем минусом, что они не всегда знают, как организовать управление... Нет, мы еще не сделали революции в Каталонии. Нет никакой необходимости создавать в Испании новый вид собственников, следует, напротив, социализировать существенную для капитализма частную собственность". "Мы не организовали тот хозяйственный аппарат, который планировали. Мы довольствовались тем, что изгнали владельцев с фабрик и взяли на себя роль контрольных комитетов. Мы не предприняли никаких попыток установить связи между собой или фактически координировать хозяйство. Мы работали безо всякого плана, не ведая фактически, что творим".

Прогресс в положении трудящихся был налицо. Зарплата была существенно повышена, разрыв между высокооплачиваемыми и низкооплачиваемыми сильно сократился. Люди смогли впервые работать без хозяев и боссов, сами организовать свой труд. В ряде мест и отраслей синдикализация перешагнула уровень отдельных предприятий и распространилась на целые отрасли, начавшие работать скоординировано как одно предприятие *так называемые "группы"), (например, все отрасли в Алькое, снабжение газом, водой и электричеством в Каталонии, трамваи в Барселоне, местами - транспорт и здравоохранение) "Руководство" СНТ опубликовало список "неприкосновенных" предприятий иностранцев, но рядовые активисты далеко не всегда соблюдали его. На предприятиях, которые по различным причинам не были конфискованы, вводился рабочий контроль. Вопрос о зарплате тоже пал жертвой военно-политических обстоятельств. Так в Валенсии после нескольких попыток отменить деньги и систему зарплаты возобладала т.н. "посемейная оплата".

Впоследствии были предприняты попытки координации хозяйственной деятельности. Но они, как правильно замечал Даниэль Герен, уже сочетали в себе как либертарные, так и государственнические тенденции. В октябре 1936 г. каталонское правительство издало декрет о коллективизации крупных и частично средних предприятий, чем фактически не просто узаконивал свершившийся факт, но даже ограничивал его масштабы. Самоуправляющиеся предприятия управлялись единообразно - руководящим комитетом из 5-6 человек, который избирался общим собранием на 2 года с переизбранием половины членов каждый год. Комитет назначал директора, которому передавал часть своих полномочий. К каждому комитету был прикреплен правительственный контролер. Комитеты были подконтрольны генсовету отрасли, который состоял из представителей комитетов, синдикатов и технического персонала. Этот совет должен был планировать труд и определять зарплату. Каждый работник получал твердый оклад. СНТ пыталась, в свою очередь, организовать кооперацию и общее планирование. С этой целью были созданы 8 генсоветов для различных отраслей, торговли и финансов. Для равномерного распределения ресурсов создавалась "выравнивающая касса". В декабре 1936 г. в Валенсии профсоюзы решили приступить к организации общего плана во избежание ненужной конкуренции.

На коллективизированных предприятиях Каталонии экономические решения сохранялись за трудовым коллективом. В его руках оставалась и большая часть прибыли (после создания "промышленной и торговой кредитной кассы" - 50%). На частных предприятиях с рабочим контролем помимо владельца или директора действовал рабочий комитет, имелся и представитель правительства, обеспечивавший связь с генсоветом отрасли. Трудовой коллектив мог распоряжаться 30% прибылей. В целом, по оценке Вальтера Бернекера, "после 19 июля 1936 г. сложилась "координируемая" профсоюзами и "направляемая" государством экономическая система, которая во время всей войны работала динамично и до конца сохраняла двойственную структуру, в которой сосуществовали рядом капиталистическо-частноэкономические и коллективистски-социалистические производственные единицы".

Таким образом, в городах властям сравнительно легко удалось взять стихийное народное движение под контроль. С августа 1936 г. под влиянием коммунистов начались национализации под предлогом военной необходимости и работы для фронта. Прежде всего это распространялось на коллективированные предприятия. Особенно широкие масштабы этот процесс принял после декрета в ноябре 1937 г. и милитаризации военной промышлености в октябре 1938 г.

Гораздо дальше зашла социальная революция в испанской деревне. Там сразу после 19 июля 1936 г. развернулся массовый процесс свержения местных властей. Все жители селения собирались на общее собрание на площади или в здании общинного совета и избирали революционный комитет. В Арагоне, а вскоре и в Леванте борьба против фашизма воспринималась как часть борьбы с капиталистическими порядками и неравенством. Крестьяне отбирали землю у помещиков, не дожидаясь правительственных декретов. Местные революционные комитеты и крестьянские профсоюзы собирали общие собрания. На них принимались решения о создании кооперативов, которые получили название "коллективы". При этом члены "коллективов" добровольно объединяли свою и захваченную у помещиков землю, а часто даже свои денежные средства. Каждая семья сохраняла небольшой огород исключительно для собственных нужд. Права тех, кто желал продолжать обрабатывать землю индивидуально, обычно соблюдались, если они обязывались делать это только собственными силами, без применения наемного труда. Трудно было исключить возможность морального давления на "индивидуалов" со стороны односельчан, но случаев непосредственного физического принуждения при испанской "коллективизации" практически не было. Часто "коллективы" объединяли всех жителей деревни или подавляющее большинство. Во многих коллективах вводилась посемейная оплата. Денежные средства богачей экспроприировались комитетами и помещались в банки. В некоторых местах выпустили собственные деньги или талоны. Комитеты брали под контроль распределение, цены устанавливались коллективно и контролировались. Торговля как таковая во многих местах вообще исчезла. Были организованы коллективные склады и магазины, которые часто помещались в бывших церквях.

Но и в деревне социальные преобразования шли нескоординировано, по разному. Частично это было связано с особенностями структуры земельной собственности. Если в Арагоне 80% обрабатываемой земли принадлежало помещикам, то в Леванте и Каталонии преобладала мелкая земельная собственность. И хотя среди этих мелких собственников было немало анархистов, которые тоже стали создавать коллективы, в Леванте и Каталонии на этом пути было больше трудностей. Здесь экспроприировались только земли помещиков. Но вызванная начавшейся войной нехватка продуктов и здесь побудила общинные советы принять меры по ограничению роли частной торговли и развитию социализации. За этим последовал этап создания полных коллективов, хотя и в меньшей мере поддержанных большинством местного населения. Некоторые из них были весьма крупными и процветающими, но в большинстве из них сохранялись денежные отношения. Всего в Арагоне возникло около 400 - 450 сельскохозяйственных коллективов, в Леванте - 900, в Кстилии - 300, в Каталонии - 40. В Эстремадуре 30.

Гораздо дальше зашла революция в северном регионе Арагон. Именно здесь, на территории, где анархистские народные ополчения под командованием легендарного революционера Буэнавентуры Дуррути вели тяжелые бои с фашистскими войсками, были сделаны решающие шаги на пути к анархистскому коммунизму, хотя официально он так и не был провозглашен.

В арагонских коллективах жили 300 или 400 тысяч человек - 70% населения региона; в их распоряжении находились 60% обрабатываемых земель. В отношении "индивидуалов", не входящих в коллективы, конгресс в феврале 1937 г. принял следующее решение: поскольку мелкие собственники, желающие остаться вне коллектива, считают себя способными работать в одиночку, они не должны пользоваться преимуществами коллектива (до тех пор случалось, что им разрешали на определенных условиях пользоваться коллективными благами и услугами). Однако их право вести хозяйство по-своему должно соблюдаться, если они не препятствуют деятельности коллектива. При этом каждый из них должен иметь столько земли, сколько он может обработать самостоятельно. Применение наемной силы строжайше запрещается.

Арагонские деревни - это не чисто сельскохозяйственные поселения. Мы бы назвали их скорее небольшими городками. Каменные дома, жители, которые занимаются не только обработкой земли, но и ремеслом, местной промышленностью и т.д. Эти предприятия, а также службы быта, учреждения культуры и образования тоже обобществлялись. В поселениях были сильны древние общинные традиции. Все это облегчало объединение людей в свободные территориальные и хозяйственные сообщества, как это и предусматривалось в анархо-коммунизме.

Внутри "коллективов" не было какой-либо иерархии, все пользовались равными правами. Главным решающим органом всегда было регулярное общее собрание членов, которое собиралось раз в месяц. Для текущей координации коммунальной и хозяйственной жизни избирались комитеты, часто возникавшие на базе прежних революционных комитетов. Их члены - в основном, делегаты от отраслевых секций - не пользовались какими-либо привилегиями и не получали особого вознаграждения за свою работу. Все они, кроме технических секретарей и казначеев должны были продолжать обычную трудовую деятельность. Каждый взрослый член "коллектива" (кроме беременных женщин) работал. Труд был организован на основах самоуправления. Бригады, состоявшие из 5-10 человек решали все основные рабочие вопросы на ежевечерних собраниях. Избираемые на них делегаты выполняли также функции координации и обмена информации с другими бригадами. Во многих коллективах" применялся принцип перемены труда, работники перемещались из одной отрасли в другую по мере надобности. Промышленные предприятия были включены в хозяйственную систему общины, что способствовало воссоединению индустрии и сельского хозяйства. Коллективы объединялись в окружные федерации.

Важнейшей мерой стала ликвидация денег. При этом арагонцы руководствовались не какой-то финансовой теорией, а своими этическими и революционными чувствами. В первые недели во многих "коллективах" вообще отменили вознаграждение за труд и ввели неограниченное свободное потребление.всех продуктов с общественных складов. Но в условиях войны и дефицитов это было нелегким делом, тем более, что вне "коллективов" сохранялось денежное обращение. В сентябре 1936 г. большинство общин перешло на так называемую "семейную оплату". Каждая семью в "коллективе" получала равную сумму денег (в зависимости от "коллектива" примерно по 7-10 песет на главу семьи, еще 50% - на его жену и еще по 15% - на каждого другого члена семьи). Эти средства предназначались только для покупки продуктов питания и предметов потребления и не должны были накапливаться. Во многих общинах вместо общегосударственных денег были введены местные купоны. В третьих существовали карточки и талоны. Определенные виды продуктов рационировались почти повсюду (шла война), зато некоторые (вино, масло и др.) во многих местах выдавались без всяких ограничений.

Полная независимость "коллективов" друг от друга, различия в благосостоянии общин и в системе распределения затрудняли координацию их хозяйственной деятельности. К этому призывали анархисты - сторонники углубления социальной революции, в том числе Дуррути. В феврале 1937 г. в местечке Каспе состоялся конгресс "коллективов" Арагона с участием нескольких сотен делегатов. Было принято историческое решение о создание Федерации. Участники договорились усилить агитацию в пользу "кол-лективизации", создать экспериментальные фермы и технические школы, организовать взаимопомощь между "коллективами" с предоставлением друг другу машин и рабочих рук. Были отменены границы между селениями и упразднены коммунальные рамки собственности. Объединившиеся "коллективы" решили координировать обмен с внешним миром, создав для этого общий фонд из продукции, предназначенной на обмен, а не для собственного потребления общи, а также начав составлять статистику производственных возможностей.. Наконец, предусматривалась полная отмена любых форм денежного обращения внутри "коллективов" и их Федерации и введение единой для всех системы потребительских талонов. Последнее должно было помочь установить реальные потребности каждого из жителей региона, чтобы затем, ориентировав производства на конкретные нужды людей, перейти к анархо-коммунистической практике "планирования снизу". Наконец, было принято и решение политического характера. Центральное правительство все время пыталось взять под контроль непокорный Арагон. Оно настояло на включение в Совет обороны Арагона - орган, состоявший вначале целиком из анархистов - членов других партий. В январе 1937 г. оно распорядилось восстановить в регионе муниципальные советы. В ответ конгресс в Каспе решил, что они не должны вмешиваться в хозяйственную деятельность коллективов.

Деятельность арагонских "коллективов" оказалась чрезвычайно успешной. Даже по официальным данным, урожай в регионе в 1937 г. возрос на 20%, в то время как во многих других районах страны он сократился. В Арагоне строились дороги, школы, больницы, фермы, учреждения культуры - во многих селениях впервые; осуществлялась механизация труда. Многие жители впервые получили доступ к медицинскому обслуживанию и свободному, антиавторитарному образованию (врачи и учителя становились полноправными членами "коллективов").
Многие коллективы не платили налоги властям. Они предпочитали добровольно помогать непосредственно фронту. И это тоже вызывало гнев правящих кругов.
Путь Арагона к анархо-коммунизму был прерван испанской буржуазией в со-юзе со сталинистской "компартией", которая взяла класс собственников под свою защиту. Уже декрет правительства в декабре 1936 г. легализовал только небольшую часть захватов земли и распорядился вернуть остальное. В мае 1937 г. "коммунисты" спровоцировали кровавые бои в Барселоне. Полиция под командованием "коммунистов" напала на рабочих-анархистов. В ходе боев пролетариям почти удалось разгромить силы буржуазно-сталинистской коалиции, но здесь ведущие активисты СНТ снова проявили нерешительность. Победа была украдена. Правительственные войска, вступившие в столицу Каталонии, развернули террор против анархистов и других левых. Затем пришла очередь Арагона. В августе 1937 г. республиканское правительство разогнало Совет обороны Арагона, возглавлявшийся анархистами. Танковая бригада "коммунистического" генерала Листера была снята с фронта и железными гусеницами прошлась по арагонским коммунам. Треть "коллективов" была распущена, остальные так никогда и не оправились от разгрома. Сотни активистов были казнены, арестованы, высланы. Центральное правительство предъявило всем испанским коллективам ультиматум - легализоваться до 31 октября под угрозой роспуска. Над оставшимися был введен жесткий государственный контроль.
В марте 1938 г. франкистские войска ворвались в обескровленный и обессиленный Арагон и довершили дело контрреволюции. Через год пришел конец и всей Испанской Республике.
Испанская революция проиграла. Но она погибла с честью, в борьбе, пав под натиском превосходящих сил старого мира. Позорно не потерпеть поражение, а предать свои цели и идеалы, сменив с трудом завоеванную свободу на новое рабство, может быть, еще худшее, чем то, которое было низвергнуто.

Сон профорга. (По мотивам А. К. Толстого)

Эта история вымышлена, но отдельные сюжеты существуют и сегодня. После проведения образовательной реформы начальство МГПУ решило сделать образование доходным. Политолог, профессор Новейшей истории, топ – менеджер и директор кукольных наук Евгений Иванович Крашенцев стал президентом Российского Союза промышленников и предпринимателей. Выиграв судебное дело с жильцами окрестных домов, Союз добился скупки земель и недвижимости и торговых точек на Новокузнецкой, сноса старых зданий, на месте которых построили офисы и представительские учреждения. На факультете истории устроили парадный корпус. Конкуреция на различных кафедрах, выражавшаяся в иных способах преподавания была устранена, студенты зубрили «Капитал» Маркса, классику Марксизма – ленинизма, политологию, историю PR.

Однажды Союз Промышленников и Предпринимателей принимал высоких гостей из Арабских Эмиратов и Индии с целью заключения выгодных контрактов. Профорг исторического факультета как видный представитель Ассоциации студенческих лидеров. Утро было солнечное, профорг по своей привычке быть раньше, приехал на факультет за час до встречи. Второй этаж, в общем – то, представлял весьма обычное зрелище. Мраморный пол, пальмы в кадках, светлые аудитории и конференц – залы поразительно контрастировали с политическим развратом и атмосферой лжи. На стене помимо расписаний, объявлений, запретов, выговоров, рекламных объявлений висело примечательное объявление:

Я научу вас искусству господства и послушания, изощренным отчетам, заседаниям,
докладам, многим способам должного поведения. Возможны и другие формы административных и интеллектуальных контактов.

Только для активистов профсоюза!
Госпожа Элен.

Профорг вошел в зал заседаний и по привычке проверил все документы – профсоюзные документы, отчеты, рекламные листовки, деньги за охрану выбитые со студентов и не отданные в управление Полного порядка - все было на месте. Вдруг, он увидел, что на нем нет штанов. Он почти полностью был одет, выбрит, ботинки начищены, новый пиджак, выглаженная рубашка и галстук, но штанов не было. Сначала он попытался бежать, однако зал уже наполнялся гостями, сотрудниками профсоюза, преподами. Тогда он спрятался за кафедру, стол на котором она стояла, спереди полностью был прикрыт тумбой и это должно было спасти положение.

« Меж тем теснеи все становился круг
Особ чиновных, жаждущих карьеры,
Невнятный в зале раздавался звук;
И все принять старались меры,
Чтоб сразу быть замеченными».

Приехала делегация и встреча началась по протоколу. Прибыл и президент Российского союза промышленников и предпринимателей Евгений Иванович Крашенцев.

« Он видный был мужчина,
Изящных форм, с приветливым лицом,
Одет в простую безрукавку, своего мол чина
Не ставлю я пред публикой ребром».

Старый декан пробубнил речь о русско – индо – арабской дружбе, но его никто не слушал – все знали, что он уже получил свои отступные за исполнение своей роли. Встреча была удачная контракты были подписаны, звучали речи, шуршали бумаги. Проводились показательные акты студенческой самодеятельности, представлявшие истинное украшение встречи. Профорг начинал надеяться на благополучный исход. Между тем:

« Профессор седовласый стан сухопарый изгибал приятно.
« Всех, господа, всех вас благодарю!
Прошу и впредь служить так аккуратно
России, бизнесу и капиталу, вашему государю.
Ведь мысль моя, надеюсь, вам понятна?
Я в переносном смысле говорю:
Мой идеал – полнейшая свобода,
Мой цель народ и я слуга народа»».

Профессор подмигивал ему и одобрительно кивал головой, благодарил и хвалил всех. Но тут его взор упал на профорга, который стоял за кафедрой, прикрывшись клеткой с попугаем индийского посла.

« Ба, что я вижу! Наш Саша здесь!
Так, так и есть! Его мы точность!
Но отчего же он виден мне не весь.
И заслонен каким-то попугаем?
Престранная выходит это смесь!
Я любопытством очень подстрекаем
Увидеть ваши ноги, да, да, да!»

Профорг не смог ослушаться и вышел из-за кафедры. Сочетание приличной одежды чиновника с волосатыми ногами было слишком шокирующим. Лицо профессора брезгливо передернулось.

«Что это, правда или провидение?
Да ведь на вас никак штанов нет?!
И на чертах изящно- благородных,
Гнев выразил ревнитель прав народных.

И был профессор замечателен во гневе,
Еще сильней, чем в милости
«Да как посмел ты, государь
Приехать так, на представленье?
И на прием послов? Безнравственная тварь!
Теперь твое я вижу направленье.
Из профсоюза – вон! Иль нету – секретарь!»

Расправа была мгновенной. Все общество пришло в ярость от такого оскорбления морали. Ворвались четверо активиста политклуба, политически подкованных – они сразу разгадали темный замысел провокатора,и , скрутив профорга начали избивать его дубинками, затем подняли за волосы, выкинули на улицу и погнали в этом виде по Новокузнецкой. Толпа ревела и улюлюкала, плевала в морду, кидала сначала гнилые помидоры, затем палки и камни. Тяжкие мученья испытал профорг пока его не довели до Лубянки и не кинули в приемной, где над ним глумились охранники и бюрократы. Со страхом профорг ждал своей участи:

«Но дверь отверзлась и явился в ней
С лицом почтенным, грустию покрытым
Расстроенный Владимир Путин, полковник ФСБ.
Из очей. Катились слезы по его ланитам.
Обильно их струящийся ручей
Он утирал платком, узором шитым,

И про себя шептал: «Так! Это он!
Таким он был едва лишь из пелен.

О, Юноша, он продолжал, вздыхая
(профоргу было с лишком сорок лет),
Моя душа для вашей не чужая!

Я в те года, когда мы ездим в свет,
Знал вашу мать. Она была святая!
Таких, увы, теперь уж больше нет!
Когда б она досель была б к вам близко,
Вы б не упали нравственно так низко!

Но, юный друг, для набожных сердец
К отверженным не может быть презренья,
И я хочу вам стать второй отец.
Хочу вам дать для жизни наставленье
Заблудших так приводим мы овец
Со дна трущоб на чистый путь спасенья
Откройтесь мне, равно как на духу,
Что привело вас к этому греху?

Конечно, вы пришли к нему не сами
Характер ваш невинен, чист и прям!
Я помню, как детей за мотыльками
Порхали вы средь кашки по лугам!
Нет, юный друг вы ложными друзьями
Завлечены! Откройте же их нам!
Кто вольнодумцы? Всех их назовите
И собственную участь облегчите!

Что слышу я? Ни слова? Иль пустить
Уже успели корни в вас упорство?
Тогда должны мы будем приступить
Ко строгости, увы! И непокорство
Сколь вам ни больно, в вас искоренить.
О, Юноша! Как сердце ваше черство
В последний раз: хотите ли всю рать
Завлекших вас сообщников назвать?

Профорг к   нему достойно и наивно:
Я бы, господин полковник, я бы вам
Их рад назвать, но мне, ей – богу дивно.
Возможно ли сообщничество там,
Где преступленье чисто негативно?
Штаны ведь не надел я сам!
И чем бы там меня вы не пугали –
Другие мне, клянусь, не помогали.

«Не пиздоболь надменный санкюлот!
Свою вину не умножай ты ложью!
Сообщников и гнусный твой комплот
Повергни же к Отечества подножью.

Когда б ты знал, что счас тебе грядет
Тебя бы пронесло и ужасом и дрожью!
Но дружбу чтоб ты знал мою
Одуматься тебе я время подарю!

Здесь на столе смотри, здесь все готово
Пиши же - а не то, даю тебе я слово:
«Чрез полчаса вас изо всех мы сил..»
Тут страх такой объял профорга,
Что страшную он подлость совершил:
Пошел строчить (Как люди в страхе гадки!)
Имен невинных многие десятки.

Явились тут на нескольких листах: какой – то
Жданов Виктор, Бойко, Дарья Журавленко, мадам Миневцева,
Мерзликин, Зайцев, Штрих- и множество других.

Профург строчил сплеча и без оглядки,
Попали в список лучшие друзья
Я повторю: как люди в страхе гадки
Начнут как бог, а кончат как свинья!»

Профург исторического факультета проснулся в холодном поту. На столе оставались следы вчерашней пьянки, дебоша, остатки недоеденного ужина. На спинке стула висели, вернее полулежали злополучные штаны. Мучал сушняк. Напившись воды из – под крана он подумал: « Какое счастье, что я никого не заложил!». Затем он снова перевернулся на другой бок и забылся в горячечном хмельном сне.»

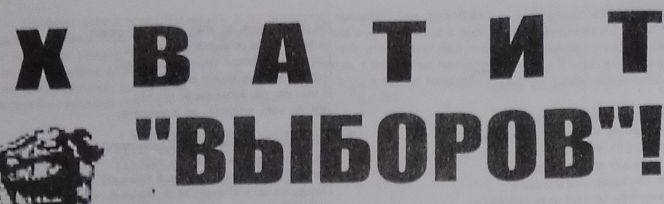
Пушкин Иосиф Виссарионович.

<u>Поэзия современных анархистов.</u>

<u>Мыслящий тростник.</u>

Я решил продаться, братцы.
Жить свободным не хочу,
Надоело выебаться –
Мне это не по плечу.
Я к вождям приду с поклоном,
И вожди покажут стать –
Скажут с ласковым укором:
Появился, твою мать!
Я кричу и восхваляю
(Надо ж человеку есть),
Я в чужом дерьме валяю
Свою ёбаную честь.
И на шею мне наденут
Новый крепкий поводок,
И на цепь меня посадят,
Чтобы убежать не смог.
Мне завидуют коллеги,
Я всегда в тепле и сыт,
И останусь я навеки,
Если власть не изменит.
Ну, а если власть другая
После длительной войны,
Прибегу, задорно лая –
Продадусь за полцены.
Ваша участь много хуже
Всё на волоске висит –
Мне такой удел не нужен,
Я всегда хочу быть сыт.

т. СКорпион, анархист из Ярославля.

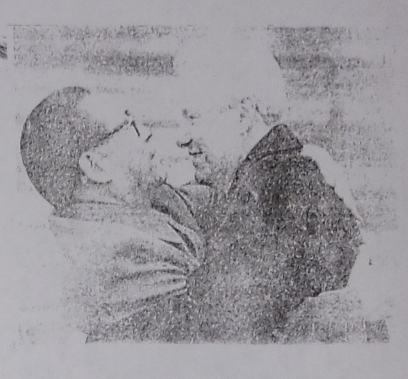

ХВАТИТ "ВЫБОРОВ"!

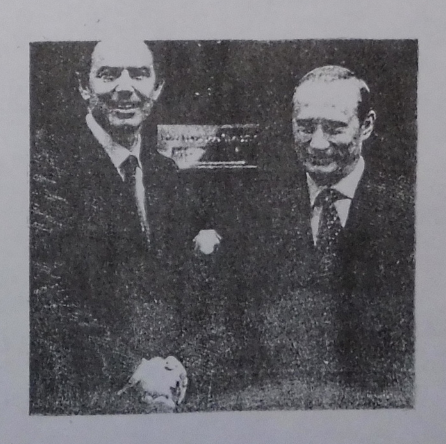
АССОЦИАЦИЯ ДВИЖЕНИЙ АНАРХИСТОВ

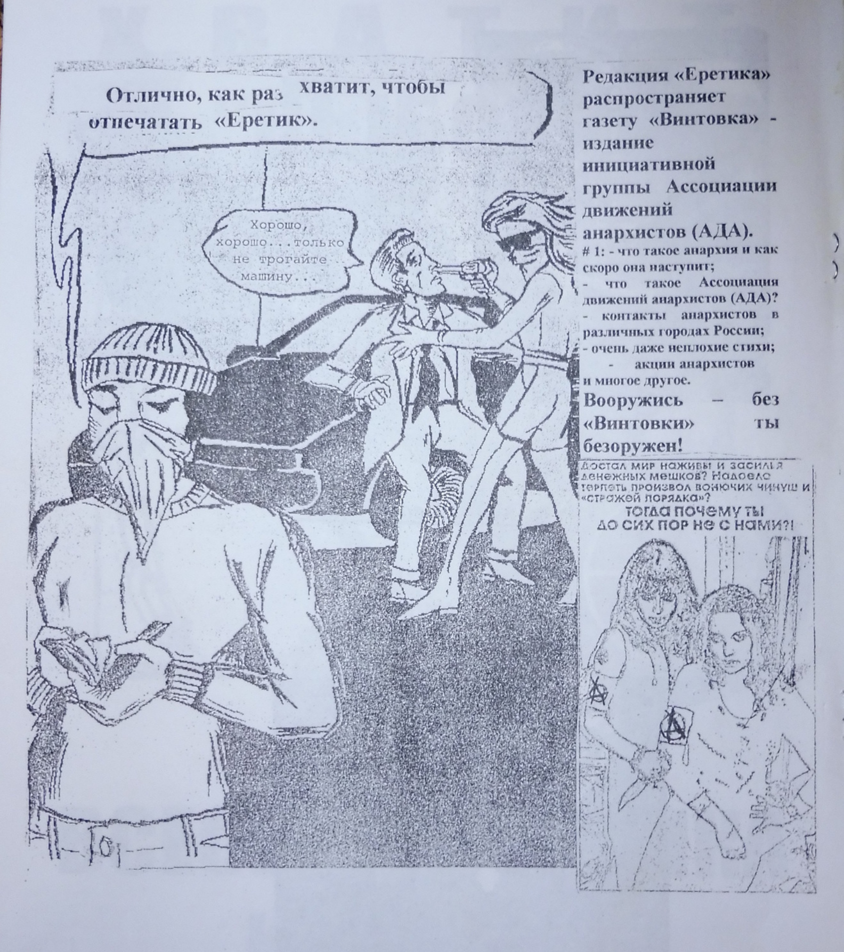
ТОЛЬКО ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА И ЗАХВАТ ПРЕДПРИЯТИЙ!

Кто следующий?

<u>КОНТАКТ С РЕДАКЦИЕЙ «ЕРЕТИКА» И СТУДЕНЧЕСКИМ АНАРХО-БУНТАРСКИМ ОБЪЕДИНЕНИЕМ (САБО):</u>

ПО ЭЛЕКТРОННОЙ ПОЧТЕ – ПИШИТЕ НА ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС <u>eretik2003@bk.ru</u> ИЛИ ПО ОБЫЧНОЙ ПОЧТЕ: 117485 МОСКВА, А/Я 34 (БЕЗ УКАЗАНИЯ НАЗВАНИЯ ИЗДАНИЯ).